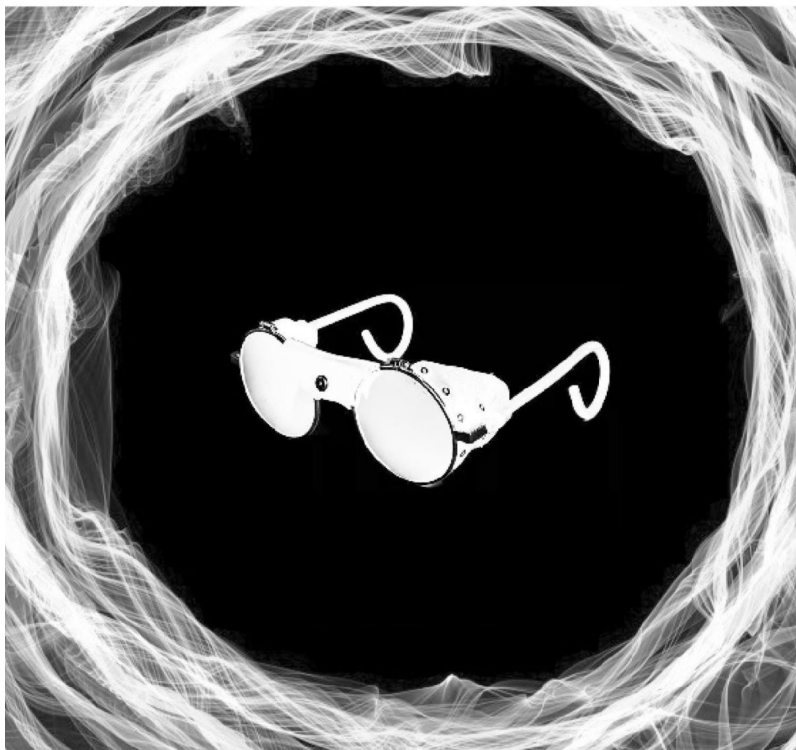

АНДРЕЙ ШИЛОНОСОВ

Белая радуга

Андрей Шилоносков

Белая радуга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63987746

ISBN 9785005159397

Аннотация

У Эна не работают органы чувств. Существование ему обеспечивают импланты, благодаря которым он контактирует с людьми и свободно взаимодействует с электронной техникой. Эн – агент Системы. Его задача – поддерживать порядок в абсурдном мире, где время – наивысшая ценность, а смысл жизни – польза для общества...

Содержание

Прибытие	7
Девушки с ножами	26
Седой	36
Парк слепого мотылька	44
Заточенная коса	59
Лапка паука	69
Закоулки	80
Радио свободы	90
Дин	98
Закон мироздания	106
Восстание личности	126
Нож	132
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Белая радуга

Андрей Шилонос

© Андрей Шилонос, 2021

ISBN 978-5-0051-5939-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«**Белые**, усл. назв. монархистов и контрреволюционеров

(от цвета знамени сторонников короля во время Великой французской революции).

<...>

Белые земли, земли феодалов в сел. местности и городах России 14—17 вв., освобожденные частично или полностью от гос. налогов.

Белые калмыки, рус. назв. в 17 в. кочевых племен в степях по р. Обь. Совр. телеуты и предки алтайцев.

Белые карлики, очень плотн. горячие звезды малых размеров из вырожденного газа. <...> Б. к. – конечная стадия звездной эволюции после исчерпания термоядерных источников энергии...

<...>

«**Белые** ребята», назв. тайных крест. орг-ций в Ирландии в 18—19 вв., боровшихся против нац. и социального гнета; действовали в осн. ночью, надевая поверх одежды белые рубашки.

Белый Андрей (пс. Бор. Ник. Бугаева) (1880 – 1934), рус. сов. писатель. Один из ведущих деятелей символизма. Для ранней поэзии характерны мистич. мотивы, гротескное восприятие действительности («симфонии»), формальное экспериментаторство (сб. «Золото в лазури», 1904). В сб. «Пепел» (1909) трагедия деревенской Руси. В ром. «Петербург» (1913 – 14, перераб. изд. 1922) символизир. и сатирич. изображение росс. государственности. В сов. период – мемуары, автобиографиз., ист. произв...»

«**Радуга**, разноцветная дуга на небосводе. Наблюдается, когда Солнце освещает завесу дождя, расположенную на противоположной от него стороне неба. Объясняется преломлением, отражением и дифракцией света в каплях дождя.

«**Радуга**», ежемес. лит-худ. и общественно-политич. журнал СП УССР, на рус. яз., с 1927, Харьков; с 1935, Киев. Тираж (1978) 45 т. экз.

«**Радуга**», сов. ИСЗ (запуски с 1975) для ретрансляции

телевиз. программ и осуществления связи. Входит в систему «Молния – Орбита».

Радужная оболочка (радужка), тонкая подвижная диафрагма глаза со зрачковым отверстием в центре; путем сужения и расширения зрачка регулирует поступление света на сетчатку. Содержит пигментные клетки, определяющие цвет глаз. Воспаление Р. о. – ирит...»

Советский энциклопедический словарь

Эта жизнь – неразрывный и замкнутый круг,
По которому мы все идем и идем,
И который никак и ничем не пробьем,
И в котором умрем, и родимся опять,

Чтобы вновь совершить, чтобы вновь подобрать
Все ошибки, грехи, все проступки, обиды,
Конфликты и войны, и прочие беды,
Что лихо составили прошлую жизнь.

Прибытие

Время еще есть. Всегда есть немного времени. «Мир вечен, смертен человек», – говорили, бывало, по радио. Эн не верил радио.

Ночь пришла незаметно. Иначе быть не могло – небо всегда оставалось темным. Круглые сутки черные небеса нависали над миром. Они не были затянуты тучами, которые бы не пускали солнечный свет, они просто были черными. Тот дымок, который можно лицезреть с земли – результат совместной работы заводов и машин. Его трудно перепутать с облаками, любому предку современных обитателей планеты он показался бы неестественным и чужим. Эта полупрозрачная материя, как недельный слой пыли, покрывает гладкую поверхность небосвода и дрожит в такт движениям воздушных масс.

Холодный ветер мог бы приятно освежить лицо. Шум волны, качающей транспорт, разбивался о причал, эхом отзвываясь в сознании. Соленые брызги, присоединяясь к музыке моря, оставляли маслянистые следы на кончиках ушей. Эн застегнул развевающийся плащ, притворился, что поежился, прислушиваясь к всплескам воды. Потом оставил притворство. Он не был уверен, как именно люди ежатся.

– Холодная ночь, друг Анатос, – заметил водитель транспорта. Гуви. Хороший человек.

Температура воздуха и скорость ветра пока не имели значения, поэтому Эн не ответил. Он, казалось, смотрел вдаль, на размазанные яркие пятна города, хотя в действительности был по обыкновению погружен в собственные мысли. Эн не смог бы насладиться свечением и переливанием огней, даже если бы хотел.

– Конечно, вам предстоит жаркая встреча, – водитель усмехнулся.

Эн кивнул, медленно прошел по деревянному помосту, двигаясь к серым, плохо освещенным улицам. Два трупа он почувствовал сразу. Первый был определен как сотрудник Службы Охраны Общественного Порядка. Принадлежность второго выдала узнаваемая сигнатура Детей Свободного Мира.

– Вы давно прибыли? – голос заставил Эна отвлечься от неподвижных тел. Сотрудник СООП, вооруженный короткоствольным дисковым автоматом П-68, шел навстречу.

– Минуту назад. Мне известна ситуация.

Автоматчик склонился над телом товарища, небрежно отпихнув второй труп в сторону. Эн оставался неподвижным.

– У них заложники, – сказал охранник, обшаривая карманы убитого. – Двое наших... и ваш один.

– Я знаю, – ответил Эн.

Охранник замер на секунду, затем продолжил изучать личные вещи погибшего. Себе он забрал документ и деньги – сунул за пазуху без тени смущения. Пластиковая карта

с личными данными мертвеца, несколько ценных бумаг, редких в дни, когда большинство системных пользуются сетью.

– Мы бы справились, но ваш человек... – парень запнулся на полуслове, очевидно от смущения или укола совести. Его рука поспешно закрыла невидящие глаза труп.

– Наш человек – наша забота, – подтвердил Эн. – Я здесь, я приступаю.

Он прошел мимо охранника, исчез в тени, как подобает призраку. Охранник вздрогнул, поднялся, рассовывая вещи погибшего по карманам, вскинул автомат, когда в тусклом свете уличного фонаря вспорхнула стая белых птиц.

Эн миновал два квартала. Он шел к приземистому трехэтажному зданию, окруженному техникой и солдатами СО-ОП. Огни, сирены, треск радиопереговоров, предупредительные знаки и ограждения. Привычный шум перепуганной группы захвата. Эн осторожно приподнял желтую ленту, ступая на закрытую территорию, прошел мимо охраны. Никто не пытался остановить его. На мгновение люди обращали внимание на темную фигуру, но затем поспешно возвращались к своим делам, к бессмысленной и ненужной суете.

Эн вошел в здание.

Внутри было сыро. Отсутствовали источники света.

Тяжелый воздух. Запах мусора и пота. Еще бог знает чего.

Эн медленно поднимался по лестнице на верхний этаж, минуя одинаковые площадки из черного металла. Потрескавшиеся стены, исписанные граффити под потолок, стано-

вились все ближе. Сознание Эна понимало, что это невозможный и недопустимый легкий приступ клаустрофобии. Он перестал мерить углы, освободив себя для полезной информации. Перед мысленным взором открылся план здания, фигуры заложников, роботов, а также противник, теряющий последние минуты в тщетных попытках укрыться от всевидящего ока «старшего брата»...

Сигналы спутников передавали внутреннему взору особенности здешней архитектуры, мельчайшие объекты определялись с легкостью, даже сквозь черное небо, крышу и стены. В дополнение к внешнему слежению, Эн заглянул во внутреннюю систему и вскоре охватил всю электронную сеть здания. Спустя считанные минуты ему подчинялись все видеокамеры, автоматические средства охраны и электронные замки. Когда чувствительные датчики сканировали поддельные отпечатки пальцев, сравнивали подложные цепочки ДНК и воспринимали имитацию голоса, Эн анализировал полученные техникой данные. Он мог бы снисходительно улыбнуться, если бы хотел.

Человек мог обмануть компьютеры. Но не мог обмануть смерть.

Эн умел вызвать страх своим неотвратимым приближением.

Он использовал очки дополненной реальности, оборудованные датчиками движения. Приходящие сигналы Эн не всегда воспринимал корректно. В том не было вины при-

бора. Восприятие Эна сильно отличалось от слепого человека.

На руке поблескивал браслет.

Браслет передавал простейшую информацию об окружающем пространстве. Он не улавливал движения с точностью очков, но определял температуру, цвета, запахи и прочие мелочи, для восприятия которых обычные люди как правило использовали собственные органы чувств.

Эн определенно не был обычным человеком.

Когда щелкнул замок на двери в помещение, сознание Эна четко отразило происходящее внутри.

Враг удерживал заложника на полу под дулом автомата. Два террориста целились в темную фигуру на пороге, но с неуверенностью. Коллега Эна оставался в запертом помещении, в стороне.

– Он не должен умереть сегодня, – произнес Эн с каменным спокойствием.

– Черта с два! – крикнул террорист, ткнув дулом заложника в ухо.

– Не его время, – заметил Эн.

На мгновение ему почудилось, что за спиной террориста мелькнула тень.

«И не твое время...»

Противник выстрелил, но попал в пол в каких-то сантиметрах от головы своей жертвы. От неожиданности он выронил оружие. Остальные открыли огонь, но ни одна пуля

не задела Эна. Тогда Дети Свободного Мира бросили автоматы и сдались.

Эн выпустил запертого коллегу, мысленно приказав электронному замку открыться.

Он контролировал ситуацию.

Выпущенный агент – Нож – человек с холодным белым лицом, безэмоциональный призрак в покоем для всех агентов плаще, медленно проник в душное пространство переполненной комнаты, подобрал автомат террориста и посмотрел на окружающих стеклянным взглядом.

В припадке враг попытался выбить окно попавшим под руку стулом, но прочное стекло не позволило выпрыгнуть из здания.

Внимание агентов привлекло тело заложника. Одна из пуль двух не сдержавшихся террористов, по-видимому, рикошетом отскочила от какого-то предмета и оборвала жизнь парня.

Повисла гнетущая пауза, она закончилась предсказуемо, но тем не менее внезапно. Нож дождался положенного срока, затем короткими очередями покончил с тремя нарушителями. Семь последующих секунд агенты созерцали следы мимолетной бойни.

– Ты обманул их, – заметил Нож.

– Я не хотел, чтобы они застрелили парня, – признался Эн.

– Он все равно бы умер в ту минуту, – Нож повесил автомат на плечо и развернулся к выходу. – Я прослежу за осталь-

ными, – предупредил он, остановившись рядом с неподвижным Эном. – Ты получил данные архива? Из них сегодня не умрут только двое. Их ждет пожизненное заключение. Еще одни бездельники, глупо потратившие свое и наше время.

– Куда подевался пятый, ты не видел? – поспешил спросить Эн.

– Кто? – Нож не понял или не расслышал вопрос.

– За спиной террориста у дальней стены мелькнула тень.

На мгновение Нож предстал озадаченным.

– Тебе нужна диагностика. Обратись к нашему технику Харду. В твоём восприятии ошибка.

– Это было бы некстати.

Нож исчез в коридоре. Эн остался в комнате смерти.

Заложник мог умереть от сердечного приступа, от грязи на полу, от неожиданно обострившейся хронической болезни. В крайнем случае Нож, со своим безупречным чувством времени, застрелил бы его. Парень умер бы в ту минуту. Все это знали. Скорее всего, он тоже это знал.

Эн вспомнил обреченно спокойную фигуру на полу.

Тела остывали, меняли очертания, выделить их в окружающем пространстве становилось все труднее.

Эн не знал, почему обманул *готовых к смерти*. Поступок, несомненно, попадет в рапорт Ножа, и начальство потребует объяснений.

Агент вернулся в коридор. Он планировал покинуть зда-

ние без шума и размышлял, каким образом лучше избежать уличной толпы, вращая карту района в голове.

«Ты знаешь, что должен сделать нечто, но не можешь. Ты делаешь что-то, но не знаешь как и зачем. Законы наших дней, верно, Эн?» – говорила тень.

Эн не вздрогнул и не удивился. Тень действительно была в помещении. Тихий, обычно безмолвный спутник, который шел следом за агентами. Эн «видел» его ранее.

Эн называл спутника «Нэ». Нэ всегда следовал за ним. Эн не знал, существует ли Нэ в реальности, как он выглядит и насколько продолжает самого Эна. Ни одна система слежения, ни один сенсор не улавливали тень. В любой момент Эн мог почувствовать себя, обратившись к электронике, но Нэ оставался загадкой. Спутник умел обходить системы наблюдения или использовал почти совершенный имплант. Эн никогда не слышал об имплантах, скрывающих от всех видов наблюдения, но прогресс не стоял на месте. «Черный рынок», помимо верных способов поджарить мозг и сердце, изредка предлагал «настоящую магию» в обмен на скромные, по меркам рынка, средства.

Нэ едва улавливался «шестым чувством», если, конечно, такое существовало и было присуще Эну. Эн не мог сказать со стопроцентной уверенностью, где находится Нэ, идет ли рядом, что делает и как выглядит. Но агент со временем заключил – тихий спутник весьма ловко и умело скрылся от других людей. Если не был результатом незамеченного

вовремя серьезного сбоя нервной системы.

«Нельзя найти Нэ, пока он не объявится сам», – прошептал агент.

Снаружи ажиотаж стихал. Люди расходились, ведь нельзя терять время попусту. Войска СООП свертывали силы. Санитары увозили тела. Свежий ветер летел к Эну. Эн хотел почувствовать небо. Вернулся к транспорту, на котором прибыл вместе с Гуви.

– Гуви, когда ты должен умереть? – спросил Эн, развалившись на заднем сидении.

– Прошу прощения, друг? – не расслышав, переспросил Гуви. Он завел мотор.

– Ты же узнал дату своей смерти? – уточнил Эн вопрос.

Гуви медлил с ответом, сосредоточившись на подъеме машины с воды.

Транспорт плавно взлетел и устремился к городским огням.

– Я не хотел бы говорить об этом, с вашего позволения.

Эн почувствовал страх, отметил капельку пота на щеке водителя, взмокшие руки, сжавшие руль. Эн смог бы управлять машиной лучше. Он ощущал все детали транспорта, как другие чувствуют части собственного тела. Но Гуви устраивал агента. Водителю была нужна работа. К тому же у Эна не было водительских прав. Эн подозревал, что слепому права могут не дать. А начальство, в ответ на запрос, предложит ему другого водителя.

– Поймите меня правильно, Анатос, – Гуви будто извинялся. – «Заточенная коса» повсюду.

– Не извиняйся, Гуви, – успокоил водителя Эн. – Мой вопрос был бестактен. Смерть – личное дело, – помедлив, он добавил: – Я бы никому не сказал, ты же знаешь. Меня устраивает мой водитель, и вряд ли я найду лучше.

Гуви пробормотал нечто неразборчивое о благодарности и лести.

«Скоро. Уже скоро», – с грустью подумал Эн.

– Не бойся смерти, Гуви, – сказал агент с целью приободрить товарища. – Это опыт и событие, но не угроза. За *готовым к смерти* выбор где и как.

– Это точно, – рассмеялся приободренный Гуви.

– И ты не можешь умереть раньше срока, – задумчиво продолжил Эн.

– Я знаю основы, друг, – слегка обиделся водитель. – Все их знают. «Поэтому должен работать в Системе с максимальной эффективностью».

– Прости, Гуви, я не это имел в виду, – голос Эна прозвучал достаточно искренне для человека без чувств. – Я философствую, ты же понимаешь.

– Размышляете, могло ли все быть иначе? – добродушно рассмеялся водитель. – А нам некогда, надо работать... Прибыли! – объявил он, посадив машину на размеченной площадке.

Эн кивнул в знак прощания, покинул транспорт, шагнув

в серую пустоту.

Огни ощущались им внизу. Машина Гуви уже удалялась, покидала «зону видимости» Эна. Недалеко потрескивал приемник. Эн сориентировался на него, затем «нащупал» дверь на лестницу.

Несмотря на редкие приступы клаустрофобии, Эн любил приятные замкнутые пространства. Он хорошо ощущал поверхности стен, грязные ступеньки и потолок с налетом от табачного дыма. Не было эстетической привлекательности, но не было и бесконечной неопределенности, когда ощущениям не за что ухватиться, когда нет четких границ, в рамках которых встроенная техника рисовала картину окружения. Снаружи Эн нередко чувствовал себя песчинкой на краю пропасти. Там ветер завлекал и заманивал отдалиться с головой свободному полету, но грозящая со всех сторон опасность мешала рассчитывать следующий шаг.

«Чего ты боишься?»

Эн открыл схемы здания. Офисы, подсобные помещения, технические отсеки, стрельбище, лаборатории, жилые комнаты... Суетливый муравейник. Но вместе с тем идеальная машина, точная, красивая. Каждый сотрудник работал с максимальной пользой для общего блага. По часам и секундам были расписаны занятия людей. Агенты тренировались, докладывали начальству о проделанной работе, отдыхали ровно столько, сколько требовалось организму и батареям для перезарядки. Техники следили за состоянием Си-

стемы, предугадывали и устраняли малейшие ошибки, чинили роботов и улучшали программы. Ученые совершенствовали технологии, пользуясь опытом и архивами предшественников, планировали следующий шаг и регулярно совершали открытия.

Эн был винтиком в машине создававшей будущее. Важным, но винтиком. Он мог гордиться собой. Он понимал, что далеко не каждому винтику дано видеть всю Систему целиком, сразу. И наслаждаться красотой картины, в которой нет изъянов. Точный расчет короткой человеческой жизни открывал дорогу перед человечеством. «Человек смертен, но мир вечен».

Эн понимал, как важно строить мир по той же схеме, встроить всех в идеальную Систему и вести общество к лучшей жизни.

«Чего ты боишься?»

Эн шел к офисам. Он не мог терять секунды на пустые раздумья или созерцание Системы. Эн знал, что его ждут в кабинете начальства. Он мог попасть туда значительно быстрее, но желание пройтись по техническому этажу свело агента с кратчайшего пути. Подобные пространства, сплошь уставленные техникой, электронным оборудованием, компьютерами, особенно радовали восприятие Эна. В центре такого помещения Эн чувствовал себя живым и обогащенным впечатлениями. Увы, он не мог останавливаться. Он проходил точку, ловил удовольствие, но был вынужден двигать-

ся дальше, как любой элемент идеальной машины, чтобы не портить Систему пустой тратой времени.

Впрочем, нет, поход по техническому этажу не причинил вреда Системе, сказал Эн сам себе. Он знал, что благодаря хорошему водителю выиграл несколько минут. Он мог бы потратить это время с пользой... Однако Эн также верил, что такая прогулка – потребность нервной системы, организма, необходимость для душевного здоровья и равновесия. Закон разрешал время для восстановления и поддержки душевного здоровья. Ведь только физически и психически здоровый человек приносит максимальную пользу.

А Эн очень хотел быть полезным для будущего человечества.

Коридор вел к стеклянной двери приемной. Синий коврик и обшарпанные стены, но гордящийся белизной потолок.

Эн знал, что в приемной встретит секретаршу Седого. К Седому пускали не всегда и не всех, но оставлять отчеты был обязан каждый агент. Обычно они пользовались электронной сетью, для быстроты и удобства. Но ответственные дела Седой все равно обсуждал при личной встрече. Дань традиции. Система стремилась вперед, но продолжала поддерживать некоторые традиции для сохранения культуры и человеческого лица.

Эн понимал, что при царящем хаосе за пределами текущей зоны влияния Системы, сохранять лицо чрезвычайно трудно. Но их руководители старались. Они очень старались

спасти и улучшить мир.

Эн открыл дверь, охватывая восприятием приемную. Шкафы со старыми книгами, живопись древних мастеров, спокойные неяркие цвета, тепло и уют в температуре, в запахе и в звуках музыки. Эн понимал, что «обитель» Седого должна быть доброй, не располагающей к эмоциональным всплескам. Атмосфера спокойствия вовсе не мешала стабильной работе, но дарила ощущение комфорта и безопасности.

У дальней стены комнаты раздавалось шуршание. Эн в нерешительности остановился. Шелест одежды прекратился, над уровнем стола показалась растрепанная голова секретарши Седого.

– Привет, он у себя? – тактично уточнил Эн. Она кивнула, вновь исчезая за столом.

Эн хотел было незаметно изучить всю область у дальней стены и привычно постучал пальцами по браслету, но потом отбросил эту мысль.

«Он слепой», – послышался объясняющий шепот.

«Так ответь ему что-нибудь», – тихо послышалось в ответ.

Эн помедлил мгновения и вошел в кабинет Седого.

Идиллия, царящая в приемной, в логове самого Седого становилась чуть деловой. Музыка звучала тише. Приемники и прочие электронные устройства не прятались за живыми растениями. Ковер оставался мягким, но уже не занимал всю поверхность пола.

Седой сидел за столом, развернувшись в кресле спиной к двери. Эн выделил фигуру в пространстве, но также отметил, что для сбора дополнительных данных требуется время.

– Время... – заговорил Седой, по-прежнему глядя в сторону; Эн не смог понять, на что он смотрит. – Время неизбежно ускользает. Жизни – как пузырьки воздуха в океане вечности. Бесценные, но утратившие смысл мгновения. Лишенные красок, иллюзий, глубины. Скучные ровные линии на пустом холсте... Ты знал, что до введения Системы, смерть была для человечества загадкой?

– Смерть остается загадкой, – возразил Эн.

– Да, – согласился Седой, перейдя с задумчиво-философского тона на небрежно-повседневный. – Но теперь нам известен ее распорядок дня. Люди старого времени не думали о ней с первых дней сознательной жизни.

– И вогнали мир в хаос. Не могу сказать, что полностью понимаю, о каких красках вы говорите, но Система сделала мир чище.

Кресло Седого развернулось. Эн задумался, сколько еще секунд тот готов потратить на несущественные разговоры, но вскоре потерял мысль, буквально ощутив волну отрицательных эмоций.

– Ты столько грязи нанес, Эн, – сердито поругал Седой, откинувшись на спинку. Он вызвал механических уборщиков. С характерным писком и треском роботы выбрались из углов комнаты, засуетились вокруг ног Эна, сбивая восприя-

тие помещения.

– Вы недовольны мной? – спросил Эн.

– Еще бы! Ты нагло врал *готовым к смерти*, – с возмущением напомнил Седой.

На лице Эна появилось удивление.

Вид Седого, частично скрытый монитором, можно было охарактеризовать как извиняющийся.

– Прости, – он ткнул в кнопку еще раз, роботы разъехались по углам. – Я много нервных клеток убил в последние дни.

Эн рефлекторно изучил своими сенсорами помещение и фигуру начальника. Седой казался совсем стариком, усталым и больным.

– У нас немного времени, – резко перешел тот к делу. – А время поругать тебя еще будет, – Седой постучал по световым клавишам.

Эн без помех получал информацию из компьютеров напрямую, отдельные комментарии не требовались, но Седой сильно постарел и часто говорил много лишнего.

– На этом фото, – бормотал Седой, прячась за монитором, – канистра с ЖЗР, жидкий наркотик. Препарат разработан корпорацией «Лайтен». Вызывает сонливость и депрессию. Человек становится вялым, перестает реагировать на внешние раздражители, теряет волю к жизни... его время уходит впустую.

– Потеря пользы для общества, – согласился Эн, изучая

данные препарата. – Потеря смысла жизни.

– В старое время его применяли в медицинских целях, – продолжал ненужные объяснения Седой. – Сегодня это запрещенный препарат, который необходимо уничтожить.

– Кто-то выбросил эту заразу на улицы, – подхватил мысль Эн.

– Кто-то скармливает ее улицам регулярно! – возмущенно воскликнул Седой. – Мы допросили двух захваченных сегодня террористов из Детей. Они предложили информацию о пропавших запасах ЖЗР в обмен на свободу. Мы рассмотрели их предложение и получили адрес вот этого старого склада.

Эн мысленно повертел трехмерную карту города, отметил на ней себя и склад с украденными запасами наркотика. Положил маршрут.

– Откуда Дети узнали о ЖЗР? – спросил Эн.

– Полагаю, один из их лидеров связан с поставками.

– У Детей есть лидеры? – Эн не выглядел удивленным, но задумался. – Я думал, это разрозненные группы анархистов, объединенных недовольством Системой.

– Ни одна организация не обходится без лидеров, даже такое сборище бандитов, – Седой выглянул из-за монитора на мгновения. – С тобой все в порядке? – в голосе начальника скользнуло подлинное беспокойство.

– Я... – Эн запнулся, отгоняя карту с фотографиями, чтобы вернуться к восприятию помещения. – Могу спросить?

– Конечно, – примирительно согласился Седой, снова прячась за монитором.

– Если заложники были *готовыми к смерти*, зачем СООП проводили операцию?

– Там сидел твой коллега, забыл? Его нужно было выпустить, иначе кто знает, сколько еще времени он бы потерял.

Нож, теряющий время без пользы? Эну послышалось, что Земля стала плоской.

– Я должен был выпустить Ножа, это верно, – подтвердил агент. – Но СООП как будто не знали о нем изначально. Они собирались освободить *готовых к смерти*...

– Эн, – Седой стал заметно серьезнее. – Даже СООП не всегда вовремя получают сведения о смерти. Для них захват здания Детьми был рутинным нарушением Порядка.

– Как-то... странно, – не отступал Эн.

– Проверь склад, – приказал Седой. – Не теряй время. Потрать его на отдых и подготовку, а не на споры со стариком, – он помедлил, но все же добавил: – Прости, что заваливаю работой, вот так сразу, но впереди *дни массового исхода*... Сам понимаешь, нам эта лишняя головная боль совсем некстати, нужно разобраться как можно скорее.

Эн почувствовал, что Седой нервничает. Удивился и попытался проанализировать поступившие сигналы, но чувство быстро испарилось. Иногда агент действительно улавливал состояние собеседника. Движения мускулов, потоотделение, тембр голоса, сердцебиение, воспринятые техни-

кой Эна, давали достаточную информацию для соответствующих выводов. Но также часто сенсоры обманывали, реагируя на сбои и ошибки в окружающих устройствах. В конце концов Седой находился у компьютера, и восприятие постоянно перепрыгивало с биосигналов на электронный объект.

– Добро пожаловать к нам, – приветствовал Седой напоследок.

Эн не стал задерживаться дольше. Он кивнул, поблагодарил и удалился.

— — —

«Ведь не может быть, что ты боишься смерти... Неопределенности, что ждет с последним вздохом, пустоты... Всепоглощающей... Вечной...»

«...Не бойся... Ты в безопасности... До последней секунды... А после, как известно, бояться уже будет нечего...»

Девушки с ножами

Эн вновь очутился в приемной. Секретарша Седого успела привести себя в порядок. Эн не отметил ее реакцию. Возможно, она улыбнулась.

Этажом ниже располагались оружейная и лаборатория. Эн сначала заглянул в стерильно чистое помещение с запахом химии, с персоналом в белых халатах и шипящими со всех сторон пробирками. Агент забрал пачку батареек и наведалься в соседний отдел, где выдавали оружие.

Здесь во всем чувствовался металл. Звук, запах, даже вкус. Эн не мог ощущать его на коже, но оседающей на браслете пыли было достаточно.

– Анатос! – обрадовался оружейник и захлопал руками в кожаных перчатках. – Рад наконец-то увидеть тебя воочию.

Восприятие Эна снова сбилось, рисуя картину согласно представлениям о радости, но мгновением позже агент понял, что оружейник просто стряхивает с перчаток металлическую крошку.

«Бесполезное действие», – пришла мысль. Эн позволил себе оставить мысль незамеченной.

– Был бы рад сказать то же самое.

– Протри очки, когда выйдешь, – сострил оружейник и расхохотался.

– Есть работа, Хард, – предупредил Эн.

– Уже знаю, – гордо заявил тот, бесцеремонно хватая агента за руку. – Мы тут спаяли одну штуку, специально для тебя, – зашептал Хард на ухо. – Ты ведь стволы не любишь...

На указательный палец Эна скользнуло кольцо.

– Рад, что выдалось поработать над чем-то уникальным, – продолжил Хард. – А то всем подавай огнестрел. Пользуются «законом Рорка»... «Случайная смерть невозможна», – что тут добавишь... Старина Рорк свое дело знал: со всем оружием на улицах, пули так и свистят. Но попадают только в тех, кого надо.

Кольцо повернулось со щелчком. Эн осознал, что прямо перед ним красное одноглазое лицо оружейника. Отступил запах пота, притупились звуки работы, но Эн отчетливо выделил десятки плавильных машин, почерневшие стены и потолки, багровый воздух, *подрагивающий* от горячих печей. Душная атмосфера нелегкой работы. *Мелькали* люди в фартуках, в рабочих рукавицах. Люди в основном лысые или в кожаных шапочках. Эн кивнул проходящему мимо знакомому маленькому человеку с черными волосами, усиками, бородкой и *незлой улыбкой специалиста*. Знакомый человек приветливо кивнул в ответ.

Небритое лицо оружейника, изуродованное шрамом у невидящего глаза, растянулось до ушей, обнажив желтые кривые зубы.

– *Это лучше, чем мои импланты*, – признал Эн.

– *А ты думал*, – глухо рассмеялся Хард, брызжа слю-

ной. – *Но отладка нужна отменная, – более серьезно добавил он. – Мы тут поработаем над образцом. Аккурат к следующему циклу получишь устройство полностью совместимое с твоими системами.*

– *Хорошо бы, – согласился Эн, кивая на прощание и разворачиваясь.*

Он прошел через серые автоматические двери с маркировкой Системы. Ступил на белую плитку кафеля под струи воздушного *душа*. На следующих шагах с интересом *посмотрел на пазы*, покрывающие стены с двух сторон. А после ноги вывели в коридор, изменившийся до неузнаваемости. Пожелтевшие *обои* на стенах и картины средневековых замков, искусственный *цветок в горшке* на полу, *лампы* на потолке. Свет *подрагивал*, и по поверхностям *прыгали* настоящие тени.

Минуту Эн осматривал коридор. Потом, спохватившись, поспешил дальше.

«Я использую время для отдыха», – успокоил он сам себя.

Но куда бы Эн не свернул, кольцо нового восприятия преподносило сюрпризы. На месте безликих теней появились *люди в форме СООП*, множество сотрудников *в официальных строгих костюмах и с дипломатами в руках*, инженеры *в штанах на подтяжках*. Стены с нейтральными, фантазмагорическими *рисунками*, причудливыми узорами, с голографическими обоями, досками объявлений, *плазменными панелями*.

Эн очутился *на кухне*. Роботы-уборщики и посудомоечные машины, чистые стены, кафель под ногами, десяток видов тарелок, столовых приборов. Печка. Размеренно работающие *повара*.

– *Здравствуйте, агент*, – неожиданно кивнул Эну проходящий мимо упитанный *мужчина с черными усами* и с усталыми, но довольными глазами. На нем были колпак, фартук поверх красной рубахи, испачканные *кремом* белые *перчатки* и *башмаки*, отчасти похожие на домашние *тапки*.

– *Ваши коллеги там*, – указал повар в сторону автомата с *газированной водой*. Улыбка выражала *приветствие*, но не *радость*.

Эн помедлил, провожая восприятием детализированного повара. Узел фартука на спине, испачканные *мукой* зеленые штаны. Из-под колпака выбивались редкие черные *волосы*.

Эн нащупал кольцо, разворачивая его до щелчка.

Детализация пропала, но вновь обострились звуки, запахи и общая чувствительность к электронной технике.

«Проклятые кудесники», – с легкой досадой пробормотал Эн.

Посуда застучала, а пища зашипела и разнесла по пространству аромат жареного мяса.

Агент развернулся к автомату с водой. Его коллеги – бездушный Нож и значительно более живая Дин – обсуждали особенности приготовления одного из коктейлей. Эн не знал, зачем собрался терять время рядом с этой парой.

Он помнил, что времени у него остается немного. Здравая мысль подсказывала путь к отступлению, но Нож и Дин уже заметили его, а признать трату времени без пользы Эн считал ниже своего достоинства. Только не перед ними.

А потому, под пристальными взглядами, Эн уверенно прошел к автомату и купил апельсиновую воду.

– Вот и наш оригинал, – рассмеялась Дин.

Нож молчал. От него веяло холодом.

– Не теряете минуты? – рискнул подловить Эн, придерживая пластиковый стаканчик, в который автомат цедил «10% апельсина» с водой и газом.

– Мы готовимся штурмовать склад, – поделилась планами Дин. – Не опаздывай.

Эн три секунды обрабатывал информацию. Вода в стаканчик цедилась непростительно долго.

– Какой склад? – спросил Эн наконец.

– Наша цель – ЖЗР, – отозвался Нож. – Не опаздывай, – эхом повторил призрак и покинул кухню, оставляя коллег с поварями. Разумеется, у него были неотложные дела.

– Седой ничего мне о вас не сказал, – заметил Эн, наконец извлекая наполненный до краев стаканчик из автомата.

Дин выхватила один из своих клинков. Лезвие замелькало в ее руке, вращаясь вокруг каждого пальца. Восприятию Эна такой фокус не понравился.

– Ты здесь новенький, – заговорила она. – И хотя мы много работали по сети, лично никогда не встречались.

– Личная встреча – понятие относительное в наши дни, – парировал Эн.

– И все же, – Дин заиграла с лезвием быстрее. – Седой далеко не главная сила в Системе. Скоро его не станет. А ты можешь послужить на благо обществу.

– Не сомневаюсь, – Эн поставил стаканчик на край стола. Быстрое вращение клинка сбивало сенсоры, но Эн понял, что Дин одета в черное, у нее отличная фигура, а шея приятно пахнет редкими духами.

– Зачем тебе темные очки? – спросила она.

– Я слепой, – ответил Эн.

«Теряем минуты», – сигналом забила тревожная мысль в голове.

– Ты не похож на слепого, – не отвязывалась Дин.

– У меня имплант.

– Тогда зачем очки?

– Время уходит.

– С пользой, – уверенно заявила Дин, продолжая жонглировать лезвием перед Эном. – Нам нужно знать больше о тебе. Вдруг придется тебя потерять.

Агент почувствовал опасность.

– Ты не можешь убить меня, ты же знаешь, – холодно предупредил Эн. – Не мое время.

– А когда твое время? – игриво поинтересовалась она.

– Зачем тебе?

– Чтобы прийти и провести его с тобой. Вдруг позже меня.

Смерть в объятиях красотки, никогда не мечтал?

– Дин, я обижусь страшно, – Эн сделал второе предупреждение.

– Да расслабься ты, – она неожиданно послушно спрятала лезвие на поясе. – Не опаздывай, – повторила Дин удаляясь.

Эн выждал двадцать секунд и вышел следом, забыв купленную и нетронутую воду на столе.

– Вы мне не поможете?

Агент остановился на мгновения. В стороне от кухни восприятием определялись офисы. Из одного из них выглядывала миловидная девушка. Эн молчал, вслушиваясь в звуки суетливого муравейника.

– Все заняты, а вы выглядите так, будто используете время для отдыха. Я права? Мне очень неловко отбирать ваши минуты...

Эн подошел к обладательнице приятного голоса.

– Вы поможете? – обрадовалась девушка, пропуская Эна в помещение. – Вот эта коробка, – она указала на серый объект, тускло светящийся изнутри.

Через секунду Эн понял, что перед ним обыкновенная картонная коробка, но набитая электроникой. Эн даже проверил состояние содержимого, но содержимое не работало, а потому не могло поделиться информацией.

– Куда столько нерабочего железа? – поинтересовался агент.

– Это партия ножей с прочими инструментами для ору-

жейной, – приятный голос исказили волны сомнения. – А вы точно знали что внутри или угадали?

Эн позволили себе улыбнуться. Восприятие сочло сомнения девушки также приятными.

– Хотите, покажу фокус, только не говорите никому, – предложил агент. «Нащупав» едва действующие элементы питания в ножах, он заставил коробку переместиться в свои руки. Эн знал, что девушка видит сейчас, как коробка буквально взлетает и направляется к нему. В сопровождении новой знакомой он покинул офис и вернулся к дверям оружейной.

– Меня научите такому трюку? – спросила она по пути.

– Для вас будет слишком дорого, не обижайтесь, – признался Эн, передавая коробку двум подбежавшим работникам оружейной. – Внутри не заходите? – агент проследил, как коробка исчезает за дверью, покидая «зону видимости».

– Смеетесь? Вы там были? – рассмеялась девушка. – Платье можно будет выбросить.

– Извините, – рука Эна скользнула к кольцу, но остановилась на полпути.

– Ой, – вдруг поняла она. – Простите и вы меня. Вы не видите, я права? Мне следовало догадаться. Имплант, верно? Хорошо чувствуете электронику?

– Просто отлично, – улыбнулся Эн, попытавшись свести разговор к шутке. Попытка удалась.

– В следующий раз возьму какую-нибудь микросхему, –

пообещала она.

Возникла крайне кратковременная пауза.

– Мэй Ри, – представилась девушка, протянув руку.

Эн пожал ее, не промахнувшись.

«Критическая потеря времени!» – отчаянно забилося в голове.

– Я... – Эн постарался соображать быстрее. – Увидимся в десять? В комнате отдыха?

– В десять? Бог мой, вы совсем не спите? – звонкий смех раздался вновь. – Хорошо, я приду.

Эн поразмыслил, как еще можно наверстать упущенное время.

– Я могу узнать...

– Замужем ли я? – Мэй сократила паузы тоже. – Нет. И после перевода сюда не успела завести много знакомых. Без претендентов.

– Спасибо, – благодарно кивнул Эн.

– Вы не теряете минуты? – тактично узнала она.

– Теряю, – обреченно признал Эн.

Мэй рассмеялась почти нежно.

– Но как мы договорились, я никому не скажу. Ну идите же, – поторопила она с легкой тревогой.

Эн спохватился и быстро пошел. Рука его опять оказалась на кольце, но опустилась.

«Глупо, так глупо», – подумал он.

Сквозь серые тени, туман, минуя скопища призраков и яр-

кие пятна металла, Эн вернулся на крышу. Гуви уже ждал на взлетно-посадочной площадке. Агент запрыгнул в машину без приветствий.

– Получил приказ от самого Седого, – сообщил водитель, поднимая машину в небо. – Что-то вы опаздываете.

– Назначал свидание, – ответил Эн.

Водителя ответ неожиданно развеселил. Гуви смеялся не меньше минуты, а после прибавил скорости, поднимаясь выше.

«Снова в небе...»

*«Лучик циферблата солнца
Ловко косит под японца.
Свежий дух вселяет в куст
Мастер боевых искусств.*

*Нагло жизнь бежит от морга
С цветом летнего восторга.
Свет от зелени богатой
Обложился белой ватой...»*

Седой

Старик задумчиво постучал пальцами по лакированной крышке стола. В третий раз перепроверил данные о переводе. Цифровая подпись в порядке. Время совпадает. Приказ подлинный, ошибки быть не может. Но слишком... *вовремя*. Слишком удобно.

Что здесь забыл этот угрюмый *шкет*?

Почему сейчас? Что ему известно? Седой в совпадения не верил. В Системе не бывает совпадений.

Пользуясь средствами наблюдения, старик сканировал импланты, сверял и перепроверял серийные номера, пока Эн не покинул здание, но также не нашел расхождений. Это тот самый Эн, безусловно, хорошо известный ему по удаленной работе. Свалился собственной персоной, как снег на голову. Седой считал, что все предусмотрел, но как тогда понимать этот перевод?

Система действительно прислала его или...

Седой постучал пальцами, затем жестом вызвал роботов-уборщиков вновь почистить ковер.

Он полагал, что лично пообщавшись, встретившись лицом к лицу, получит часть ответов, сможет оценить, что за человек перед ним. Но с тем же успехом можно говорить с манекеном. Седой всегда списывал непроницаемость Эна на естественные ограничения сети, не думая, что парень дей-

ствительно окажется *вот таким*.

Впрочем, помня про его прошлое... И тренировки, которым подвергаются агенты... Но глупости. Все проходят через курс подготовки, не все становятся при этом машиной буквально. А сколько в Эне от машины? Семьдесят процентов? Девяносто? Седой был готов открыть скан имплантов и узнать точно, но что-то его остановило. Сканирование не читает мысли. Внутри киборга может быть сколько угодно электронной памяти, к ней нет доступа извне. Можно смотреть и гадать – это никак не поможет понять мотивы. Что движет парнем? Насколько он предан Системе?

Седой фиксировал пару мелких нарушений: потеря времени, пустая болтовня с коллегами, ложь *готовым к смерти*... Последнее легко выдать за блеф, тактика в боевой ситуации. Ничего серьезного. Есть за что осудить, будь на его месте строгий начальник, но «рука руку моет» – так в Охране было издавна заведено... на подобные глупости всегда закрывали глаза. До тех пор пока есть результат, любые отклонения легко списать на «подготовку», «отдых», «прочие издержки». Человеческий фактор. Проблема, с точки зрения Седого, крылась не в той части Эна, что оставалась человеком.

Эн взламывал окружающую его технику, перехватывал управление, машинально, для него это было также естественно, как для всех прочих людей – дышать. Он заходил в помещение, и помещение подчинялось ему, остальные

могли об этом даже не подозревать. Седой не был уверен, что наверху, среди представителей совета Системы, в полной мере осознают, насколько Эн опасен. *Но погоди-ка, может они все прекрасно понимают, может поэтому он здесь...*

Есть и другое объяснение... Теория, смелая, но не лишенная оснований. Данных в поддержку этой версии тоже достаточно. Если Эн прибыл по собственной воле... Перехватил канал, добавил «официальный приказ»... При этом подпись председателя может быть настоящей, ведь так надежнее. «Всего-то» нужно добавить в общий информационный поток Системы убедительные «аргументы» в пользу перевода... На практике почти невыполнимо, но если кто и мог повернуть подобное, то это Эн. В способностях недавнего кадета Седой не сомневался ни капли.

Как же его проверить? Какой сделать следующий шаг? Времени нет, не хватит на все, Седой кожей чувствовал, как оно уходит. Последнее, что сейчас нужно – мутный, неизвестно кому преданный паренек, с неограниченным доступом ко всему.

Впрочем, всегда есть немного времени, пока живой.

Старик устало постучал по цифровым клавишам, убрал лишние окна с монитора, оставив «обои» – старый снимок давно минувших «лучших дней». Жена и дочь, еще живые, полные сил. Порой не верилось, как быстро они погасли. Одно дело – знать, что родные уйдут раньше тебя. Совсем другое – наблюдать воочию, как жизнь покидает их тела,

год за годом, месяц за месяцем, пока не наступит назначенный час и не пройдут последние секунды. Семейная жизнь быстро обернулась рутинной. Он ушел в работу с головой, перестал бывать дома, неловко объясняя свое отсутствие «срочными делами» и «желанием обеспечить их до конца». Но деньги, материальные блага не играли здесь роли. Ведь время не купишь, его не остановить.

Он поздно понял, что стоило бросить все ради семьи, но не жалел о выборе – смотреть на них было слишком тяжело. Дочь покинула мир первой – сейчас смерть забирает молодых в первую очередь. Жена умерла два месяца спустя. Седой чувствовал стыд, легкий укол совести, но в тот момент будто камень свалился с души, спали оковы. Тогда у него созрел план, он смог наконец заняться делом, переосмыслив пройденный путь и здраво оценив отпущенный срок.

Старик переключил монитор в режим зеркала. *Хорошо пожил, хорошо сохранился. Немногие в нынешний век живут до таких лет.* В академии, узнав дату, завидовали, пророчили путь на самый верх. *Не подфартило...* Девушки так и вешались на шею, пока он не «обрел свою любовь». *Сам виноват. Прекрасно знал, на что шел.* Сроки редко когда бывают тайной в отношениях. А между ним и женой никаких секретов не было, до самого конца. О чем только думал? О детях? Пока дочь не появилась на свет и не перечеркнула большую часть жизни... А после? Ни о чем? Плыл по течению? А мог бы сейчас заседать в совете...

Хватит, проехали. *Отпусти и забудь. Что сказали бы боевые товарищи-курсанты, если бы кто из них дожился до сих дней?*

Одно Седой понял точно. Осознал, как будто в голову вдолбили, после всех прожитых лет. Дата смерти – лишь небольшой кусочек будущего, как подглядывание в замочную скважину. Никогда не знаешь, что подкинет судьба, бог по-прежнему смеется над планами. Можно полжизни провалиться «овощем», остаться без рук и без ног, лишиться разума, страдать от боли, от хронических болезней... Технически ты все еще будешь живой... *И не сможешь уйти раньше срока, вот что самое страшное.*

Человек – по-прежнему хрупкое создание, как фарфоровая кукла.

Седому тут повезло: к финалу он подходил будучи в трезвом уме, твердой памяти и относительно здоровым, насколько это возможно в его годы, при современном, почти полностью отсутствующем здравоохранении. Карьера не задалась – что правда, то правда – застрял навеки на месте начальника корпуса. Но он готов с этим мириться. *Еще повоюем...*

Мысли вновь вернулись к Эну, завершив полный круг. Агент мог спутать все карты. И в то же время оказаться полезным, а то и вовсе неожиданным и радикальным решением, пресловутым «богом из машины».

Седой ткнул пальцем в световую кнопку, чтобы передать

секретарше: «Как будет готов офис для нашего свежего пополнения, не забудьте сообщить ему пароль.»

– Какой пароль? От чего? – на экране появилась растрепанная голова с наивным, недоумевающим лицом.

– От офиса, разумеется! – Седой намеренно сбил с толку, подчеркнул, с выражением «это же очевидно».

– А-а! – больше вопросов у нее не было, и судя по занесенной руке, она собиралась оборвать связь.

– Постойте, Мэг, – остановил ее Седой. – Но ведь я же его вам не сказал.

– И правда...

– Мэг, соберитесь! – он перешел на строгий тон. – Ближайшие часы будут важными. Отставить флирт на рабочем месте, или чем вы там занимаетесь!

– Прошу прощения...

Седой вздохнул. Он терпел ее и покрывал, потому что она напоминала ему о родных... *о славных днях с ними*, а не их последние годы.

– В нужный час... вы поймете когда, не ошибетесь... передайте агенту Анатосу, что его пароль – «Кукла на веревочках». Не забудете?

– Не забуду... – разговор, казалось, закончился, но теперь она не была уверена, отпустили ее или нет.

– И, Мэг... – Седой помедлил, подбирая слова. – Сегодня-завтра, вероятно, вас вызовут. Будут задавать вопросы.

Она стала неожиданно сосредоточенной, серьезной:

– Вы же знаете, что можете на меня положиться.

– Знаю, – подтвердил Седой с грустной улыбкой. – Просто... берегите себя.

Она не поняла, но бодро закивала. Седой завершил звонок. Он хотел выйти, лично поговорить – всего пара шагов до приемной, что может быть проще... Но не нашел в себе сил. Ему было жаль наивную секретаршу. Однако чем меньше она знает, тем безопаснее для нее. Не следует контактировать с ней больше, чем требуется, не стоит без веской причины подставлять под удар... Оставалось надеяться, что Мэг последует инструкциям и ничего не перепутает.

Риск велик. Но время не ждет.

Услышав кодовую фразу, Эн, окажись он на их стороне, сразу все поймет. И, как знать, этот путь еще приведет к ним ценного союзника. В противном случае... слова ни о чем ему не скажут.

Седой попытался расслабиться и воспринимать последние решения философски. Но проклятое волнение не отпускало, вцепилось мертвой хваткой – так и будет держать до конца. Из ящика он достал таблетки, отсыпал горсть успокоительного прямо в рот. Робот-уборщик услужливо протянул манипулятор с зажатым стаканом воды. Седой стакан принял – хоть какая-то польза от электронных болванов. Отпил, поморщился.

Что если он ошибся...? Проклятие, Эн – совсем не то, о чем ему нужно волноваться накануне ухода.

Седой бросил взгляд на экран, куда вернулось зеркало.

С виду и не скажешь, что осталось недолго. Любопытно, что станет причиной...

Он отдал полупустой стакан роботу, постучал пальцами по крышке стола.

Убедился, что открыт защищенный канал, намереваясь сделать еще пару звонков...

Парк слепого мотылька

Шелест редкой зелени смешался с завываниями ветра и далекими стонами. Иногда фоном звучало эхо грустной патриотической песни. Благодаря роботам, не успевшим пострадать от рук хулиганов, парк выглядел чище и опрятнее городских улиц. Откровенных гор мусора не наблюдалось, а летающие тут и там пакеты, бумажки, фантики да втоптан-ные в землю окурки лишь дополняли картину общего запустения и одиночества. Отгалкивающий «канализационный» запах, по счастью, вовремя уносило в сторону.

Где-то в окружающих звуках Эн чувствовал тиканье часов. Хотя он был уверен, что это причуды его восприятия и никаких часов поблизости нет.

«Тикает что-то, тебе не кажется?»

Эн помотал головой, пытаясь выловить Нэ среди объектов и явлений парка. Но полумрак отказывался отступать.

«Я не могу быть им», – твердо решил для себя Эн. Он сосредоточился вновь, но Нэ упорно ускользал от восприятия, как ночные тени от тусклого света фонаря. Скамейки и мусорные корзины, взъерошенные кусты, тропинки. Эн чувствовал ближайшего робота-уборщика. Электронный работник ловил непослушные пустые пакеты из-под соевой еды. В десяти метрах. «Возможно, Нэ совсем не использует электронику. Тогда как он уходит из-под наблюдения?» – раз-

мышлял Эн.

«Это не я, – решительно повторил он и сказал себе: – Мало спишь. В тебе столько имплантов – нервная система давно расшаталась...»

В стороне восприятием был «пойман» и «определен» совсем безэлектронный бомж, роющийся в мусорной корзине.

– О! – подпрыгнул он при приближении агента. – А мне показалось, что вас двое, – бомж загородил спиной корзину.

– Вы кого-то видели? – спросил Эн.

– Скорее почувствовал, – буркнул бомж, внимательно и осторожно косясь на агента. – Деньги лишние есть? – вдруг потребовал он.

Эн был погружен в собственные мысли, а потому на его лице не отразились никакие эмоции.

– Ты не подумай, я только спросил, – предупредил бомж. – Отбирать не буду. Да и не справиться мне, вон ты какой серьезный, – он разразился лающим смехом.

Сейчас вид Эна мог соперничать с неподвижной статуей.

– Из Системы, да? – продолжал расспрашивать бомж. – Оказался ей нужен? Это тебе повезло. Только, небось, времени свободного нет совсем, да?

– Системе нужен каждый, – возразил Эн.

– Ха-ха. Держи карман шире и не плакой, – развеселился бомж. – Тогда откуда столько безработных бродяг на улицах?

– В Систему не встраивают по принуждению.

– Ага. Меня бы туда не взяли, даже если бы я рвался в это

рабство.

– Почему? Вы скоро умрете? – тактично поинтересовался Эн.

– Парень, ты дурак, – обиделся бомж.

Агент понял, что разговор зашел в тупик, а терять больше времени он не мог. До объекта расположенного близ парка еще нужно было дойти, а минут, выигранных благодаря Гуви, оставалось немного.

– Всегда казалось, что масса времени уходит впустую, – заговорил другой бродяга, появившийся на пути Эна. – Вся моя семья в тюрьме из-за траты времени без пользы. Самому мне удалось сбежать из Системы. И я несколько лет провёл в бегах, пока не понял, что никто меня не ищет. Столько времени бесам под хвост! Может хоть ты меня арестуешь?

– Простите, у меня нет такой задачи, – извинился Эн, не сбавляя шага.

– Но прошу тебя, мне недолго осталось, я не займу много места, меня можно даже не кормить! – заплакал бродяга, оставшись позади.

«Угораздило Седого отправить меня именно в этот район», – подумал Эн.

– Время уходит! – вторил третий бродяга, выскочив из темноты. Он сорвался со скамейки вихрем, и драное одеяло, которым укрывался бездомный, понесло ветром вдоль тропинки парка.

– Кто-нибудь убейте меня! Прошу! Ну хоть кто-ни-

будь... – отозвались вдали.

Эн вышел на пустые улицы и почувствовал объект. Сигналы спутников передали ему основные метки на карте района. Эн хорошо определял себя и свой путь к объекту. Он также отметил бродяг и Дин. Девушка помахала ему рукой.

– Сама пунктуальность, – рассмеялась она. – Ты вовремя.

– У меня хороший водитель, – сказал Эн, приблизившись к полукруглому зданию.

В пальцах Дин крутились ножи.

– Ой, прости, – остановилась она. – Забыла, что ты не любишь оружие.

– Какова ситуация? – перешел к делу Эн. Времени на последние инструкции оставалось совсем мало.

– Ты не в курсе?

Эн подключился к архиву для получения необходимой информации. Он понял, что по глупости раскрыл потерю времени, но решил оставить проступок без комментариев.

– Внутри много Детей, – заметила тем временем Дин.

– Что они там делают, если напрямую не связаны с поставками ЖЗР?

– А вот сходи и узнай, – она буркнула обиженно, видимо посчитав, что Эн заподозрил ее в бездействии. – Мы уже вызвали СООП. У нас есть и другие проблемы.

– Что на этот раз?

– В центре Дети захватили радиовышку.

– Зачем? – спросил Эн, слегка удивившись.

Дин пожала плечами с явным безразличием к источнику проблем.

– Хотят наладить собственное вещание, – предположила она.

– Что им мешает получить выделенную волну официально?

– Ты же знаешь, для этого нужно быть в Системе. А Дети ненавидят Систему, – Дин устало вздохнула.

Эн направился к воротам склада.

– Ты куда? – окликнула его девушка.

– Узнать, что делают Дети с ЖЗР.

– Один, без СООП? – поразилась Дин.

– Ты сама сказала – сходить и узнать, – напомнил Эн. Он остановился на мгновение.

– Я же не всерьез... – надулась она.

– Ты тратишь время на несерьезные замечания?

Дин открыла рот, но не придумала что ответить. Эн нашел секунды для последней ремарки:

– Дети объявили войну Системе?

– С чего ты взял? – слышался позади ее голос.

– Не шутки же ради они захватывают стратегически важные объекты.

Ответ Дин так и не пришел, потому Эн оставил вопрос для дальнейшего обдумывания и продолжил путь к зданию.

Внутри он почувствовал нечто.

Электронные замки, автоматические двери и роботы-по-

грузчики выдали всех восьмерых Детей. Но в затхлом воздухе присутствовало что-то еще.

Кто-то еще. Эн едва поверил бы, что само пространство способно оживать местами и смущать восприятие, использующее системы борьбы с пожарами в качестве глаз и ушей. Аномалия осмысленно передвигалась, приближаясь к захватчикам, которые и не догадывались о грозящей опасности. Более того, Эн подозревал, что его самого обнаружить было проще, чем едва осязаемого призрака. Эн знал, что сама мысль о подобном безумна, но он мог поклясться, часть молекул в помещении склада двигалась, повинаясь чужой воле.

Нэ никогда не выдавал своего присутствия таким необычным образом.

Эн заключил, что чувствует *неопознанный объект*. Но агент ранее не предусматривал время для построения догадок, а потому сосредоточился на первостепенных задачах, стараясь, вместе с тем, не упускать из виду аномалию, постепенно обретающую форму облака.

Эн использовал вентиляционную шахту. Он отвернул от себя редкие камеры видеослежения и заставил сигнализацию временно выключиться, а перепрограммированного Детями охранного робота – игнорировать проходящего мимо агента. Скользнул вдоль деревянных ящиков, в изобилии покоящихся на складе и образующих настоящий лабиринт. Канистры ЖЗР содержали в себе электронные элемен-

ты, и Эн попытался сразу определить местонахождение груза. Слабый сигнал пришел из северных секций склада. Эн подумал, что «настоящие залежи» не могут быть источником такого сигнала. Пять-шесть канистр, в лучшем случае. «Я опоздал, и груз успели забрать?» – предположил агент.

Поступила запрашиваемая ранее информация. Архив сообщал, что присутствующие на складе Дети умрут в течение следующих минут.

Браслет определил сильный запах жженого воздуха. И звук, сравнимый с полетом тончайшей иглы.

Эн повернул кольцо.

Туман приобрел очертания ящиков. На многих стояло *клеймо производителя товара*. Почти на каждом виднелись длинные *номера*, начерченные *белой краской*.

Эн присмотрелся к *оседающей пыли*, попытался выявить аномалию и Детей.

Вместо аномалии он почувствовал полноценный объект, формируемый излишне самостоятельными молекулами.

– *Это странно*, – заключил Эн.

Он прижался к *ящичку*, в пятнадцати метрах от собравшихся в плотный кружок *Детей*.

Террористы во все глаза смотрели на формирующуюся прямо перед ними фигуру раздетого по пояс мужчины. Рыжая копна волос, желтая борода, темные глаза. Тело незнакомца украшала татуировка, изображающая мифического дракона. В его руках не было оружия, голые ступни припоро-

шило опилками и стружкой, а коричневые штаны выглядели скорее как дань цензуре, чем нечто действительно необходимое пришельцу.

– *Что за дьявол?! – в сердцах выпалил один из Детей, скидывая портативный огнемет «Жар-3».*

– *Дракон, – представился незнакомец, отвесив поклон, затем внезапно скрестил руки на груди. – Принести огнемет на деревянный склад было совсем не мудро, друг мой, – язвительно заметил он.*

Пространство рассекла струя ослепительного пламени. *Вспыхнули* ближайšie ящики. Приборы, предназначенные для борьбы с пожарами, *пискнули* и отключились, не выдержав такого напора. *Стена огня* отрезала Эна от Детей, но он успел разобрать некоторые их слова и отследить несколько их действий, прежде чем задумался о собственной безопасности.

– *Куда он делся? – закричал* огнеметчик.

– *Забудь! Сожги канистры, уходим! Нам остались считанные минуты, – приказал* другой террорист.

Огонь расползлся по складу с безжалостностью формируемого диска. Эн продумал отступление, разворачивая кольцо до щелчка.

– Да что за...! – успел воскликнуть кто-то из Детей.

Дракон появился рядом с канистрой ЖЗР. На его теле не было ни ожогов, ни сажи. Он даже не смотрел в сторону пламени или оружия в руках Детей. С ловкостью заправского

акробата Дракон отшвырнул приблизившегося огнеметчика, тот вылетел со склада прямо со стеной. Со звоном стекла и треском перекаладин тело террориста упало на улицу, после чего и сам Дракон, взяв канистру за удобную ручку, выпрыгнул через пролом.

Ящички трещали, внутри что-то булькало и лопалось. Эн поспешил покинуть здание, не забыв выключить камеры и сигнализацию.

– Я не просила поджигать склад, – еще издали услышал он возмущенный голос Дин. – Ты захотел стать причиной смерти тех Детей?

Раздались выстрелы. Оставшиеся на полыхающем складе террористы, все те, кто должен был покинуть мир в эту секунду, выбрали свой способ уйти из жизни.

Ветер натягивал дым над парком. Зашевелились мусорные кучи, опрокинулись ведра. Бродяги выбирались из листьев, из-под скамеек, из железных баков. Они сбивались в толпу зевак, смотрели на пожар и улыбались. Многие бежали прямо к огромному костру с очевидными намерениями.

– Там кто-то был, – сообщил Эн коллеге. – Мужчина средних лет, рыжий, на теле татуировка ящерицы...

– На теле? – голос Дин прозвучал как минимум удивленно. – Что ты там делал?

Эн молчал почти с обидой.

Добежавшие до склада бродяги перелезли через ограду и ворвались в здание, исчезнув в огне с песнями и матом.

– Ты его запомнил? – без особой надежды спросила Дин.

– Я не смогу подробно его описать, – ответил Эн, констатируя очевидное. – Но я смогу узнать его.

Дин незамедлительно выразила разочарование покачиванием головы.

– Пойдем спасать видео, полицейский-робот, – сказала она, направляясь вслед за склонными к суициду бомжами.

Эн отметил, что Дин обозвала его «роботом», но без цели обидеть.

– Его нет на камерах, – остановил агент девушку. – Он их обошел.

Дин пропустила бродягу, пробежавшего мимо и прокричавшего перед прыжком в огонь слова народного гимна. Девушка остановилась, задумалась.

– Кто-то вроде нас? – со всей серьезностью спросила она.

– Нет... Не знаю, – Эн чувствовал неловкость своего положения.

С небес опустились машины Службы Охраны Общественного Порядка. Выключались двигатели, двери открывались с легким шорохом, а солдаты, высыпавшись в центре парка, уже разгоняли бомжей. Часть бродяг выбрались из огня обратно. В руках смельчаки тащили разное добро. На некоторых горела одежда, но, как видно, пламя не смущало их совершенно. Очевидно, они точно знали, что сегодня не их день.

Из машины СООП выбрался капитан Ночнов.

– Так, разгоните все рванье, – громко приказал он. – Верните, что они успели прибрать, но не задерживайтесь. И тащите сюда воду, – Ночнов уверенно зашагал к агентам.

Эн попытался ощутить ветер, но лишь определил его скорость. Ветер не мог справиться с дымом, и агенту захотелось уйти из парка как можно скорее.

– Кто в ответе за этот фейерверк? – строго спросил Ночнов. Капитан мог позволить себе не тушеваться перед агентами и даже немного их презирать. – Кто поджег? – повторил он вопрос в более простой и понятной форме.

– Говорит – не он, – не задумываясь, подставила коллегу Дин.

– А вы? – уточнил капитан.

– А меня там вовсе не было, я ждала подкрепление.

Ночнов будто собрался пригрозить пальцем, но перевел его с Дин на второго агента, хранившего гробовое молчание.

«Седой, разрешите расследовать захват радиовышки», – мысленно отправил официальный запрос Эн, воспользовавшись чудом уцелевшей точкой связи с полыхающего склада.

– Каким образом произошло возгорание, агент? – не строго, но твердо спросил Ночнов.

– Я должен идти, – ушел от ответа Эн. – Дети захватили радиовышку, необходимо время для восстановления Порядка.

– Да-да, конечно, проходите, не смею больше вас задерживать, мы будем только рады разгрести ваше дерьмо.

В Ночное чувствовалось недоверие. С грохотом обрушилась крыша склада. Пламя рвануло к темным небесам.

– Получил приказ Седого, – пояснил Эн.

«Расследование захвата радиовышки поручаю», – пришел официальный ответ начальника в тот же миг.

– Это правда, – подтвердила Дин. – Я проверила приказы.

– Нельзя терять время, – напомнил Эн и не говоря ни слова более направился прямо через занятый войсками СООП парк.

– Из наших с вами кто-нибудь свяжется, – крикнул вдогонку Ночнов. – Обещаю!

Развалины сотряс взрыв, разбросавший горящие деревянные ошметки на метры вокруг.

– Тяните воду сюда! – повелительно закричал капитан.

Огонь пережевывал склад, заглатывал его по кусочкам и с черным дымом переваривал небо.

Парк заполнили суетливые пожарные из СООП. Патриотическая песня зазвучала громко и отчетливо, в такт их слаженным, координированным действиям.

— — —

Пламя перекрыло пути к отступлению, подбиралось все ближе. Боец из Детей Свободного Мира растерялся, впервые за долгое время ощутив неподдельный страх. Он знал, что его жизнь оборвется сегодня, он был готов... ровно до этой

минуты.

Когда вспыхнул склад, накатила паника.

Паника парализовала, и момент, когда из огненной западни еще можно было выбраться, оказался упущен.

Только не так...

Не с легкими полными дыма, задыхаясь, разрываясь изнутри... Не с ужасом и болью разъедаемой плоти, шелушащейся, чернеющей кожей... рассыпаясь в прах... в ничто... Только не так...

Рука сама метнулась к оружию. Выхватив пистолет из кобуры, взведя курок, приставив ствол к виску, нажал на спусковой крючок без тени сомнения... осечка... Ну, конечно... Ведь время еще не пришло...

Наручные часы вышли из строя, не выдержав жара. Боец метнулся к целой стене, затравленно, упал на пол, запнувшись, забился в угол. Задыхаясь от тошнотворного запаха – смеси химикатов, ядовитых материалов, копоти, горячей плоти... – захлебываясь потом и слезами, которые вскоре высохли, оставив липкие следы под глазами, вновь ткнул пистолетом в голову...

Второе нажатие... осечка...

Прижал корпус некогда верного оружия ко лбу. В истерике принялся биться о него.

Это миф, что жизнь проносится перед глазами в последние минуты. Быть может, если ты в постели, окруженный любящей, заботливой семьей... В ином случае нет никакой

рефлексии, покоя. Лишь тупой инстинкт, паника, пустая башка. Уже не помнишь, кто ты и кем был. За что боролся и как очутился здесь. Горит, горит твоя распланированная жизнь, выверенная до этой самой минуты и в эту самую минуту обернувшаяся крахом, пустотой...

Огонь подобрался к ногам, пламя топило подошвы. Клубы черного, непроглядного дыма кружили повсюду. Казалось, звучали выстрелы, но боец помнил, что уйдет позже остальных.

«Нет... Нет... Нет! Нет!!!» ...Щелчок... осечка...

Пламя перекинулось на штанину. Он попытался его сбить, но загорелся рукав. Тяжелая голова звала упасть и забыть обо всем... Отдаться судьбе... Может он потеряет сознание раньше... Уснет... От боли и шока... От накатившего ужаса... Может смерть придет за ним прежде, чем огонь завершит начатое.

Нет... Нельзя сдаваться... За ним остается выбор, как покинуть этот проклятый мир... Это его человеческое право... Сколько там прозвучало выстрелов? Когда его очередь?

Осечка... Дернул затвор... Застрявший патрон вылетел, описав дугу...

Щелчок... Выстрел!

Крик... Как...? Как, черт возьми, он мог промахнуться?

Прижал дуло к голове до боли, чтобы не чувствовать... как пламя стаскивает кожу с костей, по кускам, один слой за другим.

Заорал... Громко... Отчаянно... Нажал, наконец обрывая собственный вой...

Время пришло. Тело бойца, с простреленным черепом, упало, скрылось в полыхающих обломках. Пламя забрало его...

Заточенная коса

Глухо рассыпались жизни в мире тусклого света.

Выступил на улицы хаос, и страсти накрыли район парка.

Отряды СООП еще боролись с огнем, а десятки охотников уже прятались в тенях, невидимые лидеры отдавали приказы, раздавали списки с точными датами и едва слышно шептали имена. На тропинки и площадки вышла сила страшнее смерти, если, конечно, смерть могла кого-либо по-настоящему напугать. В темных одеяниях, с острыми косами в руках, пряча лица свои в глубоких капюшонах, за отвратительными масками, охотники появились неожиданно и неотвратно. Их сторонились *не готовые к смерти* бродяги. А *готовые* были обречены.

– «Заточенная коса» здесь! Зовите СООП! – в ужасе закричал какой-то смельчак.

Убийцы обошли догорающие развалины склада, не приближаясь к свету огромного костра. Они скрылись в зарослях, куда убежали выбравшиеся из пожарища уцелевшие Дети Свободного Мира. А мгновениями позже из зарослей раздались вой и крики.

Солдаты СООП бросили бесполезную борьбу с огнем. Замерли в нерешительности и шоке. Ветер приносил стоны, мольбу о пощаде и прощении, свист и всхлипы, хруст и треск.

– Что стоим? Разобраться! – прогремел Ночнов.

Солдаты пришли в себя и строем побежали к источникам шума. Они приблизились к красной от крови площадке, приглядываясь к теням и прислушиваясь к шорохам.

Картина ужасающей бойни. Пространство заволгло багровым туманом. Пар от внутренностей. Хрипы умирающих.

Сам Ночнов замер в растерянности. Столь свежую работу «Заточенной косы» он видел впервые.

– Найти, – приказал капитан, не в силах оторвать глаз от разбросанных тел.

Солдаты разошлись по округе. Но никого не обнаружили в одинаково черных тенях.

Эн узнал о случившемся, используя мобильные устройства СООП, часть стандартной экипировки охраны.

Но смотреть на бойню с позиции Ночнова агент не стал. Не решился.

– Одолжите денег? – услышал Эн женский голос справа.

Эн не сдвинулся с места и промолчал.

– Обычная история, – продолжила женщина. – Выросла на руинах прежнего строя. Понимаете? Девушка вне Системы, время было, вот и радовалась жизни как могла.

Эн вдруг ожил, помедлил, активировал счет и перечислил женщине немного мелочи.

– Ой, спасибо, – искренне обрадовалась она. – До конца жизни хватит, – ее одежда зашуршала, а сухие тонкие руки захлопали. – Вам... ничего не нужно за такую щедрость?

Эн отрицательно покачал головой.

– Знаю, я теперь не в лучшей форме, – с печалью признала она.

– У вас красивый голос, – произнес Эн, нарушив свое молчание.

Теперь молчала женщина.

Ветер приносил оживленные переговоры солдат, продолжавших вести поиски.

– Вы не теряете время? Ведь вы из Системы, я права? – спросила она.

– Агент Системы, выполняю задание, – ответил Эн.

– О... Правая рука Порядка, – с уважением отозвалась женщина. – И ваше задание подразумевает общение с бродягами?

– Установление контактов и посильная материальная помощь внесистемным гражданам с целью обеспечить их дальнейшее включение в Систему и ради будущего распространения Системы в зонах нынешнего влияния Хаоса, – отчетливо ответил Эн.

– Благородно, – оценила женщина.

«Седой, разрешите пропагандистскую деятельность во внесистемных коллективах ради укрепления и распространения Системы», – отправил запрос Эн.

– А ваше начальство-то в курсе этих целей? – шутя поинтересовалась женщина.

Эн, не дождавшись ответа, повторил запрос через другой

терминал, расположенный неподалеку.

– Извините, – спохватилась она. – Конечно, они знают. Иначе вы бы здесь не стояли.

Эн молчал, терпеливо ожидая ответ начальника.

– Время уходит, – не дождавшись, попрощался агент и направился в сторону метро, воспользовавшись картой со спутника.

Шелестел мелкий бумажный мусор. Деревья пропали, фонарей стало больше. Картонные дома уступили место железным и бетонным. Яма рабочего метро медленно приближалась. Не было людей. Не было машин. Но на верхних этажах еще кто-то жил – светились окна.

Тревожные сигналы поступили, когда Эн наполовину спустился под землю. Агент остановился на середине лестницы, попытавшись найти хотя бы одну рабочую видеокамеру поблизости. В зону восприятия попали мобильные электронные устройства в руках убийц из «Заточенной косы». Эн чувствовал их ликование, запах крови. Агент осторожно двинулся вдоль стены, отслеживая передвижение убийц, попутно отмечая расположение вентиляционных отверстий.

Ноги в черных сапогах медленно ступали по пустым скомканным пакетам, по предательски хрустящему сухому корму, по окуркам, рядом с мятыми металлическими банками. Эн сканировал окружающий туман, примечал быстро пробегающих крыс и дремлющих в картонных коробках котов. Каждый шаг приближал к станции, к неспешно крадущимся

«жнецам». Когда по уровню выше пронесся поезд, Эн определил, что убийц пятеро, в их руках сложенные косы, а лица по-прежнему скрывает темнота капюшонов.

Свет старых настенных ламп испуганно мелькал, метался, словно не зная, кого бояться больше: убийц или агента. Эн осторожно изучил «жнецов», заметил кодовый замок секретной дверцы, через которую убийцы уходили в подземный тоннель. Пять призраков в балахонах смерти смотрели на Эна темными провалами вместо лиц. Они пробыли в минуте молчания, но не обнажили косы и не сдвинулись к фигуре агента ни на шаг. Сквозь секретную дверцу все пятеро покинули станцию, оставив свидетеля нетронутым.

Время еще есть.

Шевельнулась газетная куча в углу. Из-под мусора показался бродяга в драной куртке и в вязаной шапочке.

– Божья мама, – захрипел он, обращаясь к Эну. – Парень, ты можешь стать причиной моей смерти, если придешь в мое время.

Эн почувствовал под шапкой бродяги цифровую камеру, а в карманах куртки – электронные брелки, телефоны и ключи.

Бомж, выбравшись на поверхность целиком, уселся на свою газетную кучу, погрузившись в ворох бумаг по пояс, и неуклюже натянул шапочку пониже, на глаза, что получилось далеко не с первой попытки – искусственные металлические пальцы не слушались.

– Здесь был кто-то, что ли? – задался вопросом он. – Вон как пакеты разворошили.

– Чужаки часто здесь бывают? – спросил Эн.

– Чужаки? – бомж будто удивился, что агент владеет даром речи. – Не очень. Но случается. Я-то свою станцию знаю наизусть. Поезда все еще ходят. Но никто не сходит. Никто. И никто не садится... Тебе-то в какую сторону?

– К радиостанции, в центр, – не зная зачем сообщил Эн.

– А, ну тогда жди, сейчас придут твои вагоны, – бомж добродушно рассмеялся. – Мир не лишен иронии, верно? Система так ценит время, но вынуждена ждать поезд наравне со всеми. Ведь ты из Системы?

– У меня есть время для поездки. Оно включает ожидание поезда, – ответил Эн.

Бомж рассмеялся веселее, развалившись в куче, словно в мягком кресле, и задергав непропорционально короткими руками и ногами. *Короткими?* Эн «рассмотрел» бомжа повторно, определил, что на 53% руки и ноги бродяги состоят из металла и дерева.

– Сочувствую вашей потери, – кивнул Эн.

Бродяга вдруг, будто заподозрив неладное, стал угрюмым, натянул шапку еще ниже, скрыв всю верхнюю половину лица, буркнул грязное ругательство.

– Урод, – зло прибавил он, уползая обратно под газеты.

Эн пробыл в задумчивости семь минут. Затем подошел нужный поезд.

Внутри, как и на станции, оказалось почти пусто. Один человек на весь вагон. Скромно притулившись у окна, он был пойман восприятием не сразу, и Эн, погруженный в собственные мысли, не счел попутчика за объект заслуживающий отдельного внимания: человек не представлял угрозы, он лишь занимал пространство.

– Ух ты, – заговорил попутчик, когда двери закрылись и автоматический поезд тронулся, устремившись к следующей станции. – Агент Системы в «общественном транспорте»! Жизнь прожита не зря.

Эн проигнорировал данное наблюдение.

Последовавшие десять минут поездки пассажир не проронил ни звука.

Эн, несколько взволнованно внутренне, но с непроницаемым спокойствием внешне, размышлял над своими потерями времени. Мысленно он возвращался к разговору с бездомной женщиной. Через точки связи в метро агент в третий раз отправил Седому просьбу разрешить переговоры с внесистемным населением, ради имиджа и распространения Системы, но вновь не получил ответа.

Время шло, пункт назначения приближался, до нужной остановки оставались секунды. Внезапно вагон сотряс вой одинокого попутчика агента.

– Не хочу умирать! – заплакал он.

– Ваше время? – поинтересовался Эн, попытавшись таким образом успокоить человека.

Эффект получился противоположный. Попутчик забился в судороге, заметался по вагону и забил кулаками по стеклу. Вдруг упал замертво, захлебнувшись пузырящейся пеной из рта.

Двери поезда открылись. Эн помедлил мгновения, вышел.

«Много времени теряю», – расстроено подумал он, шагая по станции не менее грязной, чем предыдущая. Здесь было столь же безлюдно, как везде. Призрачный, неосязаемый Нэ подал голос, Эн остановился от очередной неожиданности.

Нэ сказал: *«Прояви сочувствие и понимание»*.

– К кому? – резко спросил Эн.

Ответ не последовал, но Эн действовал быстро. Он повернул кольцо до щелчка, прошелся восприятием по окрестностям.

Некто в плаще, в точно таком же плаще, который был на агенте, поднимался по лестнице на улицы города. Эн как будто увидел себя, но со спины. Свои волосы на голове, свои уши. Он видел фигуру своего роста, в своих сапогах... Знакомый плащ развевался при движении. Нэ поднялся выше, скрылся из виду. Эн поспешил следом, но никого не нашел на слабо освещенной улице.

– *Чтоб тебя,* – в сердцах молвил Эн. – *Теряю время на призраков... На ошибку, сбой, какой-то глюк системы. Теряю нервные клетки и заряд батарей. А галлюцинация пу-*

тает, бессовестно пользуется слабостью...

Здания старые, заброшенные, *потрескавшиеся*. Грустно и молча они взирали на агента невидящими, бессветными глазами. В пространстве клубились *облака пыли*. Мелкий мусор подпрыгивал, танцевал, кувыркался, радуясь, веселясь без причины. Салфетки, газеты, *пластиковая посуда*, объедки, обувь и *дырявые перчатки*.

Глухой ветер донес далекие городские шумы.

– *Я найду тебя, Нэ!* – *пригрозил* Эн пустоте района. – *Слышишь? Имитатор ничтожный! От меня никто не уходил!*

Эн выждал минуту, слушая, как эхо *разносит* слова по неживым домам. «Не поддавайся на провокации, возьми себя в руки...»

Агент развернул кольцо обратно. На всякий случай проверил окрестности собственными сенсорами. Снова включил подаренный гениальным оружейником прибор. Выключил. Включил. Выключил.

– Это бессмысленно, – проворчал агент. – Нэ слишком хорош.

«Ищи, если тебе нечем заняться...»

– Где же ты? – Эн удаленно исследовал дома на наличие подозрительной техники. Пусто. Ничего. Никого.

«Я не играю в прятки. Время еще есть. Но мы его теряем...»

– Иди к черту, – выругался Эн.

Его путь пролегал через трущобы к цивилизованным ме-

стам, к башне радиостанции, к простым людям и к Детям
Свободного Мира.

Эн зашагал быстро.

Он шел из пустоты в общество.

Лапка паука

*Лапку потерял паук.
Плачущий порвался звук.
Пал неслышно в свой узор,
Как лишенный смысла взор.*

*Миг не выдержав с метлой,
С мягкой женской красотой,
После двух горячих губ
Пал художник-душегуб.*

*Спи, паук, в сетях своих.
Жизнь не терпит вас двоих.
Ты столкнулся со стеной.
Ты безногий и немой.*

В центре чувствовалась жизнь.

Сердце города продолжало упорно убеждать мертвый мир, что жизнь существует. По улицам спешили прилично одетые пешеходы. Взлетали и садились машины. Со стороны таверны доносились звуки веселья. Подмигивали вывески. Светились окна госпиталя и площадки на вышке радио.

Вокруг госпиталя собралась кучка бродяг. С вышки на город взирали Дети Свободного Мира.

Центр был частью Системы, тут многие проводили время, выделенное Системой для отдыха.

Центр также считался одним из престижных районов. Люди в таких районах могли позволить себе тратить время, его у них было много. «Скороспелы», лишённые перспектив, рано попадали в трущобы, часто вовсе отказывались от работы и присоединялись к Детям.

«Три... Два... Один!...» Веселье в таверне не умолкало. Отмечали чей-то День смерти, возможно сразу несколько одновременно. Свой уход каждый волен выбрать сам, и многие, кто успел закрыть долги перед Системой, предпочитали уйти с помпой, с шумом, плясками, праздником для оставшихся в живых, под музыку, в теплых объятиях или даже экстремальными способами. Лишь бы подальше от «косы».

Рядом с таверной, игнорируя праздник, вокруг площадки для транспорта бродил прохожий. Он махал руками и бросался на машины, которые приближались к земле, выкрикивая: «Ну давайте! Раздавите же меня! Слабаки!» Машины аккуратно объезжали и облетали ненормального, пока солдаты из СООП не забрали сумасшедшего с улицы.

– Только время теряет, – проворчал свидетель сцены, гражданин respectable вида. Затем он сам суетливо собрался, спохватившись, и побежал вдоль заполненной людьми улицы.

Эн чувствовал, как мелькающие всюду электронные объекты вгоняют сознание в сон. Мысли путались. Сенсоры

устали после многократного использования кольца. Агент старался не терять счет времени, постоянно сверяясь с внутренними часами.

Он шел сквозь толпу, улавливал рекламные клипы и агитационные программы, чувствовал перемещения деловых людей и движение транспорта.

На одном из перекрестков в паутине городских улиц браслет Эна уловил специфический запах. Сочетание душистых цветов и трав. Запах быстро распался на отдельные составляющие, потребовав некоторых усилий, чтобы определить источник. Пока мозг Эна выполнял необходимые операции, очки отметили объект. Объект двигался в сторону городского госпиталя.

Эн попытался выделить из всех звуков шаги по уличному покрытию, чтобы проанализировать походку объекта. В сером тумане действительности он старался разобрать отдельные цвета. «Словно сон. Надо проснуться», – подумал Эн. Пальцы уже сами собой развернули кольцо.

Окружающее пространство мгновенно заполнили значительно более детализированные *люди*. Работники Системы не теряли времени даром, даже когда дело касалось отдыха. Эна смутило *волнение*. Он теперь не так хорошо разбирал запах, который заинтересовал браслет. Но четко *увидел объект-источник*, скрывающийся в *парадных* дверях госпиталя.

«Это совсем не умно», – подумал Эн, последовав за *уви-*

денной девушкой. Никогда ранее он не чувствовал ничего подобного. Совершенно незнакомая, необъяснимая и невыразимая комбинация из ощущений, переданных всеми имплантами одновременно.

«Стоило выйти в город, и такое сразу», – пробормотал Эн, пообещав себе расшифровать комбинацию при первой же возможности и заранее определив под это дополнительные ресурсы организма.

В белой приемной с одинокими охранниками, парой бродяг на диване и одной секретаршей за столом, Эн догнал девушку, торопливо *молвил*:

– Я могу занять ваше время?

«Бестактность», – предупредила тревожная мысль.

– Несколько секунд, – согласилась она.

К таинственной комбинации добавился *голос*. Эн запнулся, запуская процесс расшифровки заново. Затем вспомнив, что драгоценные секунды уходят, быстро спросил:

– Далеко ли вышка радио, занятая Детьми? – постучал пальцем по краю темных очков, ответив на немой вопрос, почему сам не видит вышку издалека.

– От входа в госпиталь налево до арки и далее к первому же зданию, – она хмуро поджала губы. *– Не сворачивайте и не промахнетесь. Будьте осторожны, там много вооруженных людей и бандитов, вас могут покалечить. И...* – девушка уподобилась темному небу, – *... в следующий раз спросите у любого солдата СООП.*

– *Прошу прощения*, – искренне сожалел Эн. – *Я подумал...*

– *У вас много свободного времени, чтобы думать?* – она так и не улыбнулась.

Эн вернул кольцо в прежнее положение и вновь почувствовал навалившуюся усталость.

Девушка удалялась в лабиринт белых коридоров.

– Простите, – позвал ее снова Эн, прислушиваясь к уникальным ощущениям.

– Что-то еще? – голос вернулся во всех красках каждого отдельного звука. Пробежавшие в пространстве волны придали комбинации новый смысл и убили последние надежды на расшифровку тайны.

– Спасибо, – сказал Эн, запоминая комбинацию, отдельные элементы шифра и подробный анализ каждого из ощущений. Он выделил под тайну дополнительное место в своей памяти.

А девушка тем временем покинула «зону видимости».

– Они говорят, это все гены, – заговорил пожилой мужчина, сидящий на диване.

– Да? – отозвался его собеседник, другой мужчина, в кепке, в куртке и в мятых джинсах.

– Есть ген программирующий твою смерть, – пояснил первый.

– А как быть со случайностями?

– В том и дело, что все не случайно. Если все действуют в соответствии со своими программами-генами и согласно

тому, как их воспитали обладатели других генов, то получается одна огромная система. Кирпич на тебя упадет не случайно, а из-за той программы, по которой ты пошел в тот день на ту улицу, и из-за того строителя, который поместил кирпич на крышу.

– А как же природа? – не сдавался человек в кепке.

– Какая природа?

– Ветер, подувший на кирпич, стихийные бедствия, трава под ногами...?

– Это все тоже в системе. Система настолько велика и сложна, да не будем лукавить, запутана, что увидеть все детали попросту невозможно. Но объяснить знание смерти нетрудно. К примеру, если на тебя падает кирпич... – пожилой мужчина осекся, нарвавшись на негодование собеседника:

– Прекращай все примерять на меня!

Эн определил нахождение ближайшей уборной, воспользовавшись чертежами госпиталя, поступившими со спутника. По карте он добрался до мужского туалета, убедился в отсутствии посторонних, прислушался к журчанию воды, снял плащ, оставив его на столике у раковины, и закатал правый рукав тонкой кофты. На уровне предплечной мышцы находилось отделение для батареек. Эн вынул использованные батарейки и вставил новые, выбросив старые в мусорное ведро. Расправил рукав, надел плащ.

Подумал, что неплохо бы увидеть себя в зеркале.

По телу уже распределялись свежие силы, усталость отступила, а разум обострился.

«Вышка. Радио. Дети.»

Эн медлил еще три мгновения. Затем развернул кольцо...

Человек в зеркале выделялся серой, неживой кожей. Темные очки, выбритый подбородок и черные волосы, не слишком остриженные, но и не мешающие голове с ушами. Кофта цвета лакированного шкафа. Расстегнутый длинный плащ до лодыжек, при этом совсем не по размеру в талии и в плечах. Поднятый воротник, рукава с медными пуговицами, на каждой из которых стояла марка мастера-портного. Ремень с черной, неблестящей пряжкой, черные штаны и сапоги, удобные для ног.

Из кармана плаща Эн достал маленькие *перчатки*.

Он не выглядел оригинально.

Эн находил себя стереотипным и банальным для агента Системы.

Даже Нож казался колоритнее.

Лицо Эна не двигалось и не дышало. Подсохшие белые губы не слипались и не растягивались в улыбке. Эн всегда считал, что способен улыбаться, и мог поклясться, что улыбался не так давно. Но когда он попробовал перед зеркалом, у него не получилось.

Время еще есть.

Приоткрылась белая дверь, в помещение заглянул *работник с тележкой* и роботами.

– О, прошу прощения, – смутился он. – Но туалет не работает.

Эн повернул невидящую голову в сторону работника. Он заметил, что вода течет из-под кабинок. Один из механических уборщиков остановился около таблички-предупреждения о поломке. Из тележки торчит множество инструментов для ремонта и набор разнообразных насадок для роботов.

«Позор, Эн. Ты бы еще в женский туалет заглянул...»

– Извините, но я попросил бы вас... – продолжил работник, переводя взгляд на неисправный бачок, бьющий фонтаном в стену, – ...освободить помещение... – когда взгляд работника вернулся, у зеркала он не нашел никого.

Эн выключил кольцо, подкорректировал программу уборщиков в сторону повышенной тщательности. Ноги и мысли завели его на лестничную площадку. Эн собирался вернуться в приемную, но уловил повышенное количество электронных приспособлений, предназначенных для взлома, на молодом человеке, сидящем на подоконнике.

Человек созерцал медленно тянущийся поток наземных машин.

– Вот это пробка! – радостно сообщил он, явно обращаясь к Эну.

– Вы не теряете время? – поинтересовался агент.

– Нет, ты посмотри на их тормоза! – парень откровенно восхищался зрелищем.

Бросив взгляд на Эна, он несколько поутих, но не оставил

своего занятия.

– Я не в Системе, – ответил наблюдатель.

– Вы на лечении? – уточнил Эн.

– Ну что вы, господин, – уважительно и осторожно молвил парень. – Далеко не все в госпитале лечатся. Спросите Вопросы.

– О чем? – не понял Эн.

– Не о чем. Кого. Вопросы, – пояснил парень с гордостью. –

Это я.

Эн почувствовал медленное движение транспорта. Затем его восприятие вернулось к собеседнику.

– Ты здесь, наверное, всех знаешь. Никогда не встречал девушку со специфическим запахом?

Парень заметно повеселел, но продолжал созерцание «пробки».

– Добрый господин, я вас прекрасно понимаю, но любая девушка обладает собственным, неповторимым запахом.

Эн обратился к части шифра, поступившей от обонятельных сенсоров.

– 0.4 жасмина, 0.01 осенней малины...

– Оу, оу, оу! – хохоча, остановил его Вопрос. – Простые внесистемные смертные ориентируются гораздо проще. Ощущениями и чувствами, если позволите.

Эн оказался в растерянности.

– Вот если бы вы показали мне ее фотографию или дали примерное описание...

Эн молчал двенадцать секунд.

– Слишком красивая для моих глаз, – наконец сказал он.

– Это точно, добрый господин, – смеясь, согласился Вопрос и продолжил липнуть к оконному стеклу. – Это точно, – он вдруг проявил неуважение: – Я премного извиняюсь за свою внесистемную невежественность, но не теряет ли добрый господин время?

Эн проверил счет собеседника, но не нашел никаких данных. Тогда он бросил монетку далеко не последнего достоинства в сторону окна, и парень, не глядя, поймал ее ловкой рукой.

– Я трачу минуты личной жизни, – сказал Эн.

– Конечно, добрый господин, – заулыбался Вопрос. – Все имеют право на личную жизнь.

Эн недолго постоял, подумав, что, может, получив деньги, мальчишка займется чем-нибудь полезным для общества, но Вопрос, приговаривая «Вот так пробка», так и не отлип от окна, с головой погрузившись в любование ползущей колонны из машин.

Агент поспешил покинуть белые стены.

На улице разговаривали двое бродяг.

– Отчего больницу называли «Паучьей лапой»? – спросил один.

– А кто сейчас вспомнит. Или болезнь такая, или способ лечения, – не задумываясь, ответил другой.

«...Трудно поверить, но я помню времена, когда медицина не сводилась к одним „припаркам“ и психотерапии. Согласен, нелегко поддерживать и применять сложные, комплексные знания по сохранению жизни, когда ни одну жизнь сохранить нельзя. Пациент либо скончается, либо выживет. В любом случае итог не зависит от действий человека. Но вот что меня смущает... Люди перестали заботиться о себе и друг о друге. Как это отразится в дальней перспективе, на картине в целом? Новые жизни все короче, а дни массового исхода наступают все чаще. Как помнишь, Седой тоже беспокоился на сей счет... Могут ли данные явления быть связаны? Люди не способны повлиять на свои даты, это так. Но они могут создать условия более благоприятные для следующего поколения. Глядишь, тогда оно и проживет дольше...»

Закоулки

По закоулкам бродили тени.

Тьма растекалась по дворам, выползала из щелей, подворотен, подвалов. Она обволакивала воздух, липла к обшарпанным стенам и приглашающе распаивалась перед бродягами, как дешевая проститутка. В отдельных углах тьма пузырилась. Скрывала грязь и мусор или, напротив, разбрасывала их по всей улице. Здесь можно было ожидать встречу со смертью. Но смерти не было в липкой тьме. В ней была безысходность.

Путь завел Эна в сторону от центра. Мусор хрустел под ногами. Тьма, казалось, должна была поглотить агента, – одежда уже сливалась с темнотой, – но липкий туман отступал перед Эном.

Звуки шумных кварталов удалялись, превращались в неразборчивое завывание. Накатила тишина. Но спустя секунды ее прогнал стук баскетбольного мяча.

На площадке для игры в баскетбол три беспризорных паренька перебрасывали мяч друг другу, пытались попасть им в едва видимую в темноте корзину.

Эн не знал, что они здесь делают. Возможно, использовали время для отдыха.

К прыжкам мяча присоединился стук каблучков по асфальтированному покрытию улицы.

Пока Эн размышлял над стечением обстоятельств, липкий туман у игровой площадки сцепился в единый комок. Тьма напряглась, завывала, собираясь родить. Разбежались перепуганные игроки, а перед идущей по улице девушкой из темноты вывалилось грязное размытое существо.

– Здравствуй, Красная Шапочка, – прошипел монстр, подхватывая выпавший из рукава нож.

В лохмотьях, наполовину слившихся с тьмой, едва угадывался человек.

– Стоять! – моментально среагировал Эн.

Но порождение тьмы успело схватить девушку за руку, притянуть к себе и подставить нож к тонкой шее, прикрывшись женским телом от агента. Упала на землю скромная дамская сумочка.

– Кто не спрятался во тьме? – прошипел монстр.

– Отпусти ее, – приказал Эн.

Монстр причмокнул, обнюхав волосы скулящей девчонки.

– Не ее время, – сообщил агент.

– Я знаю, – подтвердил монстр. – Я просто хочу ее порезать. Можно долго жить без многих органов и частей тела.

– Отпускай, – повторил Эн.

Монстр прижал девчонку к себе. Девчонка плакала и билась в истерике. Эн еще никогда не улавливал подобного ужаса в такой несложной и нередкой ситуации. «Дорожит своей красотой», – предположил агент.

Лезвие в руке монстра заскользило по нежной шее вверх-вниз, едва касаясь кожи.

– Я ее побрею, я ее побрею, – приговаривал монстр.

Девчонка рыдала и тряслась.

– А ты молчи, – пригрозил ей насильник, – пока взрослые разговаривают.

– Отпускай, – Эн сделал последнее предупреждение.

Тело в руках твари дернулось трижды и вдруг замерло. Девчонка затихла, обмякла. Монстр определился сенсорами как шокированный, растерянный. Он убрал лезвие, выронил девушку, отстранился от неподвижного тела.

– Тьма, мужик, ты меня обманул, – не мог поверить монстр. – Ты обманщик! Грязный обманщик! – закричал он на Эна голосом полным смертельной обиды. Сбежал, затерявшись в закоулках.

Эн был немало удивлен. Отметил текущее время. Осторожно присел рядом с телом и попытался почувствовать признаки жизни. После трех неудачных попыток уловить пульс, обыскал тело, нащупал упавшую рядом сумочку и потряхнул ее содержимое. В куче бесполезных игрушек, косметики и украшений Эн нашел удостоверение, получил с него данные, передал их в архив.

В четвертый раз проверил тело на признаки жизни.

«Мистически странное стечение обстоятельств», – подумал Эн.

Ответ из архива поступил на удивление быстро. В нем со-

держалось точное время смерти девушки.

Эн понял, что озадачен и стоит перед интересным выбором.

Дата смерти девушки не соответствовала текущему моменту.

Агент произвел еще несколько проверок, убедился, что удостоверение подлинное и действительно принадлежит телу перед ним.

«Нельзя терять время. Решайся. Ты знаешь, что нужно делать. Техники «первой помощи» из старого времени. Не говори мне, что стер их из памяти тоже...»

Эн извлек одну из своих батарей, подал с нее напряжение для создания разряда. Разряд запустил сердце девушки, и труп ожил. Незнакомка зашевелилась. Агент спешно собрал выпавшие из сумочки вещи обратно. Девушка простонала, приподнялась и громко завизжала.

– Успокойтесь, прошу вас, – попросил Эн. – Все с вами в порядке.

– Грабитель и насильник! – кричала она.

– Я должен был убедиться, что вы живы, – безуспешно объяснял агент.

– Шарясь по моей сумке?!

Эн отдал сумочку, знакомка вырвала ее, чуть не оставив агента без руки.

– Я должен был убедиться... – Эн подумал, что любые оправдания бесполезны. – Не почувствовал признаки жиз-

ни...

– У меня слабые сосуды, хам! – сплюнула она, удаляясь.

...И, похоже, создал парадокс.

Эн прислушался к вновь воцарившейся тишине.

«Должен перестать терять время», – в который раз наказал он себе.

И тем не менее далеко не сразу Эн отправился к радиовышке, обдумывая только что случившееся. Система знала, что он будет здесь и окажет «первую помощь», хотя подобные техники не практиковали со времен старого времени? Он настолько предсказуем? Или в архив закралась ошибка? Невозможно. В архивах не бывает ошибок.

Он вдруг понял, что сунул удостоверение девчонки в карман. Данный факт несознательной, но кражи расстроил Эна сильнее, чем все неудачные события прошедших часов.

– Кого-то ищите, агент?

Эн не заметил подошедшего солдата СООП. Поспешил вынуть руку из кармана и развернуться к военному как ни в чем не бывало.

– Я... заблудился, – ответил Эн.

– Заблудились? – переспросил солдат пораженно.

– У меня есть время, – предупредил Эн. – Но все же не хотелось бы терять его попусту.

Солдат остановился в двух метрах. Эн уловил смесь из подозрений и уважения.

– Вы здесь из-за Детей? – осторожно уточнил сотрудник

СООП.

Эн кивнул.

– Пойдемте. Вышка там.

Эн послушно последовал за добровольным проводником. Они вернулись в центр, миновали госпиталь, арку и охранников из СООП. Охранники дружно приветствовали Эна, кивнули своему сослуживцу. Эн понимал, что история о заблудившемся агенте теперь надолго уйдет в солдатские байки, обрстет подробностями и разлетится по Системе, регулярно занимая чье-нибудь время для отдыха.

Эн сжал челюсти с досады, но продолжил путь.

– Ты мог бы меня не провожать так далеко, – осторожно заметил он.

– Я работаю на Систему, – гордо объявил проводник. Эн почувствовал в голосе интонации человека, испытывающего легкое удовольствие. Солдат пользовался возможностью увильнуть от основных обязанностей.

Появление в «зоне видимости» вышки ознаменовали звуки «Разложения баллады». По мере приближения они усиливались, свободно разбегаясь по всему оцепленному войсками СООП району.

I

«Проснись, пора», кричит душа.

«Беда трясет наш мир.

Мы разобьем врагов до сна

*и славный справим пир.
Мы чашу крови перельем
в стеклянный наш сосуд.
Всех перебьем, потом уснем,
но проведем свой суд...»*

Поднялся воин, теплый склеп
покинул на всю ночь.
И был он слеп, но тьма – жена,
а тень – родная дочь.
Они глаза его да слух.
Вдали на башенных часах
Ударило не меньше двух.
Залаял кто-то в небесах.

Бредет мертвец да тащит меч,
как двухметровый зуб.
А неразборчивая речь
течет с подгнивших губ.
«Убей!» — звучит в пустой главе.
*«Найди своих врагов.
Тела их закопай в земле,
избавься от оков...»*

Взвыл воин, белую рукой
лохмотья разорвал,
Оскалился улыбкой злой,
к ограде побежал.
Поднял с трудом огромный меч,

рыча как старый пес,
И, словно гору сбросил с плеч,
ворота с шумом снес.

Уж с неба сыпется вода,
мнет городской песок.
Походкой жизни смерть идет,
все с пятки на носок.
Труп вышел на тропу войны
вернуть утерянные сны.
Он горбится. С душой разлад.
Был гроб немного тесноват.

II

Проходит время, и в часах
гонг трижды прозвучал.
Все лает туча в небесах,
а город заскучал.

III

Идет мертвец, бредет мертвец,
Мертвецки бледен он лицом.
Врагам его пришел конец:
Дождались встречи с мертвецом.

Стучит сухой рукой в окно.
Звучит стекло, трясется дом,

Дрожит-дрожит гнилое дно,
Хозяин ждет, сжимая лом.

На гостя из угла, из тьмы
Он пал и на пол повалил,
Зажал, как узника тюрьмы,
И ломом череп проломил.

Но труп поднялся, словно рок,
Поправил полглавы,
Порвал врагу весь правый бок,
Упившись силой тьмы.

И жертва вздрогнула, упал
На пол хозяйский лом.
Труп с грустью кости подобрал
И медленно покинул дом.

Снаружи ждал его костер,
Кольцо диких зверей.
Лицо свое мертвец обтер
Да бросил всех людей.

Вот павший воин под огнем
Душой отходит ввысь.
И ветер воет за окном:
«Проснись, проснись, проснись...»

Эн жестом остановил сопровождающего.

– Дальше я сам, – сказал агент.

— — —

«...Беда в том, что человек – эгоист. Вся его деятельность направлена на извлечение личной выгоды. О, нет, я во-все не осуждаю... Это нормально для любой формы жизни. Даже детей своих люди видят прежде всего как „продолжение себя любимого“, как возможность передать гены в будущее, сохранить род. Поэтому когда точно знают, что дети их не переживут, способны бросить чадо на произвол судьбы, чтобы заняться чем-нибудь... практичным. Созданием и сохранением более надежного наследия. Такого как Система, например...»

Радио свободы

«Мир вечен, смертен человек». Так всегда говорили вам, и эту фразу многие сделали своим девизом. Не менее часто все мы слышим «Время еще есть» и «Ты не можешь умереть раньше срока, поэтому должен работать в Системе с максимальной эффективностью». Но давайте спросим себя, много ли правды в этих словах? Так ли вечен загнивающий мир? Так ли много у человека драгоценного времени? И много ли пользы от Системы? Насколько она сама эффективна?

Все эти лозунги призваны промывать наши мозги и подчинять воле Системы. Не Система дарует нам жизнь, и не она ее отнимает. Человек свободен распоряжаться своим временем. Слишком мало минут даровано нам, чтобы тратить их ради невидимого руководства, нагло именующего себя нашими «покровителями».

Взгляните в окно. Выйдите в парк. Повсюду бездомные и безработные. Ваши братья. Система не дала им ничего, кроме горя, тоски, жалкого существования, безвольного ожидания смерти. Быть может, вы сами в числе тех обреченных. Вы считаете дни и часы оставшиеся вам. Вы питаетесь отбросами или корчитесь от голода. Система не помогла вам с жильем, не накормила и не одела вас. По какому праву она требует ваше время? Почему эти «покровители»

из Системы думают, что имеют право расписывать наши жизни по минутам?

Система унижает нас. Она унижает прежде всего постоянным напоминанием о нашей смертности. Она говорит «Человек смертен», но подразумевает «Вы – ничтожество». Она говорит «Мир вечен», но подразумевает «Система вечна». Она будет жить и жизнеть за счет наших жизней, за счет нашего времени, а ее лидеры проведут свои дни в веселье и довольствии, как паразиты, потребляющие результаты чужого, нашего труда.

Система унижает нас отрядами СООП, больницами и имплантами, законами и ограничениями.

Братья-солдаты! Вы зоветесь Службой Охраны Общественного Порядка, но подумайте, обществу ли служите вы на самом деле? Порядок ли поддерживаете? Вы – левая рука Системы. Система дала вам форму и оружие, но отобрала свободу. Вы безвольно попустительствуете тому хаосу, что царит за пределами Системы, а Система, как видим мы в любом окне и в любом парке, контролирует и принимает только тех, кто нужен ей. Система не станет бороться с Хаосом, потому что жирующие «покровители» не хотят и не стремятся обеспечить счастье для всех.

Так Порядку ли служите вы, братья-солдаты?

Задумываетесь ли вы, сгоняя в тюрьмы своих родных и бездомных бродяг, по какому праву Система лишает их свободы и времени?

Почему заключенные должны умирать в безумии и в неволе, вместо того чтобы наслаждаться крохами своего времени?

Мы должны бродяжничать, содержаться в тюрьме или работать в Системе, – вот весь выбор, предложенный авторами закона. Где истинное покровительство и защита?

Вы сомневаетесь в этих словах? Тогда спросите свою Систему, почему распоясалась «Заточенная коса»? Почему мы должны жить в страхе, в отчаянии, в безумии, страдать все наше недолгое время, а умирать в муках, от болевого шока и кошмара сумасшествия? Ответ на поверхности, братья. Потому что Система унижает человеческий разум.

Система уверена, что за ее пределами невозможна разумная цивилизованная жизнь. Система эгоистична и самолюбива. Она считает, что ее агенты, изуродованные имплантатами болванчики, умнее и мудрее любого внесистемного человека. Агенты, эти клоуны с колокольчиками в головах, ведут себя как ваши хозяева. В них впечатаны, вживлены грязные механизмы, умерщвляющие их клетки, убивающие их мозг. Они умирают как люди, но живут как нелюди. Ничего человеческого в них не осталось, они не чувствуют жизнь и не наслаждаются жизнью, они могут лишь причинять боль, страдания, лишать свободы нормальных людей.

Снимите маски с садистов из «Заточенной косы», – вы увидите тех же агентов Системы. Так Система заботит-

ся о нашем будущем, о нашем счастье и о нашей смерти. Она использует, насилует и пытается нас, издевается над нами, отбирает наше время и даже наш выбор способа ухода из жизни.

Система унижает и разрушает не только разум, но и душу.

Почему все музеи и библиотеки, почему все сетевые базы знаний исключительно для состоящих в Системе? Почему на улице столько мусора и грязи? Почему Система не способна защитить наших женщин и детей от душевных и физических страданий?

Почему борется с одними наркотиками и совсем не борется с другими?

Вы, уж что скрывать, хорошо знакомы с ЖЗР. И достаточно слышали о «Снеге», причине смерти бродяг. «Снег» чудой убивает наших детей. Рождаясь для смерти от «Снега», наши дети не могут попасть в Систему. В Системе нет «Снега», но ЖЗР лишает работоспособности и воли к жизни, поэтому Система активно борется с ЖЗР, а «Снег» предпочитает не замечать, игнорируя страдания окружающих.

Вот вам еще один факт эжирования «покровителей»!
Не сгибайтесь под тоннами белой заразы, ибо ваше спасение близко.

Вступайте в ряды Детей Свободного Мира!

Мы защитим вас от «Снега», боли и «Заточенной косы».

Мы построим свое общество, с равными правами и обязанностями. Мы насладимся подлинной свободой, свободой выбора, удовольствием и полнотой жизни.

Перед гибелью мира, на закате мира, мы отпразднуем мгновения своей свободы на руинах достижений человечества.

Вспомним, что дух Детей не сломить ни жюрирующей Системе, ни несправедливой судьбе...

С грохотом распахнулась дверь. Голос, вещавший по радио, прервался. Люди у микрофонов, динамиков и наушников испуганно оглянулись.

В дверном проеме стоял голый по пояс мужчина с татуировкой дракона на теле.

– Неплохая речь. Вдохновляет на борьбу. Но финал как приглашение на загородную вечеринку. Не солидно, – прокомментировал он. – На вашем месте я бы еще поработал над концовкой.

Дети дружно сорвались с мест. С кресел и со столов. Уронив большую часть коммуникационных приборов.

Они вскинули автоматы, целясь в незнакомца. Осторожно наблюдая за его реакцией, не торопясь пока предпринимать ответные действия.

Незнакомец же улыбнулся до самых ушей и медленно рас-

творился в воздухе, разбившись на отдельные составляющие, раздробившись до состояния крошки, пыли и в конце концов перестав восприниматься глазом.

Дети продолжали целиться в пустоту еще минуту.

В дверной проем заглянул Эн.

Эн не ожидал, что в него сразу будут целиться, но сохранил спокойствие.

– Агент Системы, для расследования ситуации и поиска компромиссов, – начал заготовленную речь он, но был грубо прерван басом одного из Детей:

– Дядя, помолчи.

Часть Детей разошлись по помещению, скользя взглядами и точками лазерных прицелов по углам, технике, мебели и стенам.

– Нарушитель? – с пониманием предположил Эн. – Я почувствовал нечто, пока поднимался.

– Молчи, – шикнул на него тот же террорист.

Подпрыгнул компактный аппарат звукозаписи. Дети изрешетили его несколькими очередями. Аппарат упал. Вооруженные люди с осторожностью осмотрелись вновь.

– Думаю, вам пора, пока целы, – мудро заметил Эн, отступив в сторону, чтобы не загоразивать проход.

Дети медлили пару секунд. Но потом действительно поспешили покинуть помещение.

За последним вышедшим террористом Эн закрыл дверь. Он был уверен, что закрытая дверь не остановит Дракона,

но хотел подчеркнуть атмосферу приватной беседы.

Дракон не замедлил материализоваться в углу, под потолком. Растопырив руки и ноги, он оставался наверху, с интересом наблюдая за агентом.

– Помог нам, да? – невозмутимо констатировал Эн.

Дракон улыбнулся еще шире, чем раньше, хотя казалось, подобное попросту невозможно физически.

– Теперь башня надолго перейдет под охрану Системы, – объяснил свои мотивы он.

– И что? – Эн не понял мотивов.

– Никаких посторонних, одни беспечные сооповцы.

С этими словами Дракон снова разлетелся по пространству и более не появлялся.

Три минуты Эн чувствовал движение подозрительных молекул. Мог поклясться, что вместе с отдельными молекулами воздуха они просачиваются под дверь.

Концентрация Дракона в помещении оказалась достаточно сильной. Лишь полностью слепой, во всех смыслах слова, человек мог не почувствовать его сразу. И вместе с тем, только Эн, являющийся тем слепым, мог понять, что Дракон вообще был здесь. Что сейчас он улетает. Облаком проникает сквозь стену башни. Летит на восток над городом.

Эн выждал еще минуту.

Развернулся, открыл дверь и спустился на улицы. Пора сообщить СООП хорошие новости.

«...Отсюда существующий круг лидеров, состоящий сплошь из стариков. Они знают свои сроки, а также сроки всех остальных, это делает их неуязвимыми, дает им власть, неограниченный контроль над обществом, возможность вести свою игру. У них большие ресурсы, больше комфорта, нет страха „не успеть, потерять все и встретить смерть в нищете, всего раз неудачно споткнувшись“. Они договариваются друг с другом, возвеличивают элиту с такими же долгими жизнями, что позволяет им с уверенностью смотреть в завтрашний день. Для остальных – всегда есть „верь в Систему“ и „работай с максимальной эффективностью“. Кого волнует, что ты там успеешь за ночь, если утром ты умрешь. Занять „теплое место“ нереально, без хорошего срока и, как следствие, крепких связей... Однако, разве было бы не справедливо, будь шансы действительно равны, будь власть чуть скромнее в запросах, будь распределение рабочих мест и средств зависимым от талантов, а не от отпущенного срока?»

«Но я увлекся, прости. Никогда не любил политику...»

Дин

Дин не ожидала наткнуться на коллегу здесь, в баре «Осмос». Нож сидел за стойкой, тихо, как изваяние. Отстраненный, с отсутствующим, холодным взглядом. Пил он, конечно, минеральную воду – частично опустевший стакан замер в неподвижной руке.

Что он делает тут? Ведь не может быть, что теряет время...

– Эй! – она окликнула. Нож ее заметил, судя по едва уловимому движению зрачков.

Время было, Дин присела рядом, буквально на несколько минут. Заказала себе «холодный кофе» через автомат напротив:

– Как так получилось, что ты стынешь тут, пока «жнецы» громят парк, а Дети ведут запрещенное радиовещание?

Нож выпрямился, поправив осанку, расправив плечи. Плащ зашелестел. Рука сжала полупустой стакан.

– Новичок в первый же свой день отдувается за всех, – продолжила Дин.

– Вот и посмотрим как справится, – Нож подал голос и даже отпил воду. Наблюдать его не в бою, в относительно ослабленной бытовой обстановке, было крайне... непривычно. Дин поежилась.

– Я слышала, он успел заблудиться в центре.

– Что ты хочешь – он слепой. Никакие импланты это не изменят.

Дин отметила, в голосе Ножа мелькнула нотка превосходства.

– Слепой и заторможенный до кучи, – она решила поддержать линию. – Что думаешь о нем теперь, встретившись лицом к лицу?

– Это ничего не меняет, – Нож поставил стакан на стойку, пожалуй, слишком резко. – Пусть сделает первый ход. Тогда и посмотрим.

– А-а... – до Дин начало доходить. – Ты поэтому предоставил его самому себе? По-прежнему считаешь, что он здесь со скрытой целью?

Нож не ответил, но ответ и не требовался.

– И – что? – он... – Дин развела руками, затем приняла у автомата заказанный ранее кофе... – какое-то «секретное оружие» Седого, поэтому его перевели к нам...? Седой собирает союзников?

Агент качнул головой, мол, «говори еще громче».

– Ой, да ладно! – «заговоры» ее всегда только смешили. – Ни для кого не секрет, что ты «подсигиваешь» начальника. Весь корпус в курсе, и всем предсказуемо плевать. Расслабься. Люди пойдут за тобой, даже если ты подвинешь его сегодня, не дожидаясь. Ты слишком хорош... – Нож никак не отреагировал на комплимент, но Дин продолжила: – ... А он слишком стар. Раз до сих пор не в совете, значит ждать

от него уже нечего. Все это понимают. В том числе он сам... – пригубив кофе, добавила: – Если есть в твоих «подозрениях» рациональное зерно, оно кроется тут, а не в «шпионах Хаоса», которые у тебя повсюду...

– Дин... – спокойный, но строгий голос остановил ее на минуту. Нож жестом дал понять, что развивать тему не следует. Не вслух.

– Не думал, что всему есть простое объяснение? – она заговорила на полтона тише. – Седой держится за насиженное место всеми руками и ногами, а Эн – его протее, которому он хочет передать бразды правления, когда придет время. А? – залпом допила кофе. – Ты подумай. На досуге. Сразу все встанет на свои места.

Повисла пауза. Дин оглянулась. *Неужели опаздывает?* Сочла, что остается время для продолжения дружеской беседы:

– Что за название такое – «Осмос»? Думаешь, там была буква «К», и она отвалилась? – помедлила... – Как сестра?

Нож вздохнул. Беседа явно была ему неприятна.

– Ты знаешь. Зачем спрашиваешь каждый раз?

– Ну, мало ли...

– Она в коме, Дин. Ничего не изменилось.

– Всякое случается.

– Если что-то изменится, неужели я не сообщу?

– Кто тебя знает... – свести к шутке упорно не получалось.

Дин начала жалеть, что бросила пить. Впрочем, в рабочие

часы алкоголь запрещен при любом раскладе. – Пока есть время, есть надежда, – ей показалось, что удалось подобрать нужные слова, но Нож остался непроницаемым.

У Дин не было близких родственников, поэтому она не могла сказать, что понимает какво это. Все эти «кровные узы»... Та еще загадка... Когда подруга родила ребенка с мизерным сроком, Дин была рядом, как положено, служила «опорой», «поддержкой», «жилеткой», честно исполняя социальный долг. Она оставалась рядом и после его смерти, но в конечном счете потеряла интерес, перестав отвлекаться от работы и решив посвятить свободное время себе.

Вот поэтому у нее самой никогда не будет детей.

Волю к жизни подруга утратила задолго до ухода младенца, одновременно из их встреч выветрился всяческий смысл. С ней попросту перестало быть весело.

Дин надеялась, что с коллегой не получится также. Ей были дороги их отношения.

Смерть есть смерть. У каждого свой срок. Переживать не за свою судьбу – пустая трата времени. *Ему ли не знать.* Но Нож терял объективность, когда дело касалось сестры. Он мало говорил, как обычно, но Дин чувствовала – что-то не так.

Чего он мучает себя, она же живая. Лежит себе, ешь-пить не просит. Это им надо работать каждый день.

По внутренней связи поступил официальный рапорт СО-ОП. Дин присвистнула.

– Получила? – заметил в свою очередь Нож, возвращая пустой стакан в автомат, поднимаясь.

– Дети покидают вышку и сдаются, я все правильно поняла? – было трудно поверить. – Просидели весь захват? – Дин рассмеялась. – Вот тебе и новичок! Черт, надеюсь, нам не влетит... – встать вслед за коллегой она, впрочем, не спешила. – Ну, хоть вышка цела...

– Хм? – Нож не понял, в чем тут заключался юмор.

– Иди, я тебя догоню.

Он остановился, заподозрив неладное.

– Дин... – прозвучало достаточно строго, но Дин в ответ только отмахнулась. – Дин, ты опять за старое? Стоило догадаться, что ты здесь не случайно...

– Эй, тут у меня «неотложка», сам понимаешь... А там уже все порешали без нас. Тебя одного будет более чем достаточно.

Ей показалось, что в глазах Ножа мелькнуло... отвращение? *Испортит сейчас весь настрой...*

– Иди, говорю! Время не ждет! Мне это нужно. Не тебя Ночнов допрашивал полчаса...

Нож не ответил. Молча вышел, едва не столкнувшись с растерянным молодым человеком, который только заглянул в бар. Парень остановился, взволновано, нерешительно, очевидно не имея понятия, что делать дальше.

– Ну, наконец-то, – Дин зашипела с предвкушением, бросилась к посетителю, схватив его за руку и потащив за со-

бой. – Опаздываешь? Серьезно? – укорила она. – Идем скорее... Сколько тебе осталось? – она сверилась с внутренними часами.

Парень что-то промямлил, пока Дин вела в пустой туалет, где толкнула его в открытую кабинку. Закрыв дверь, повернув защелку, принялась срывать с него одежду, без прелюдий и пустой болтовни, спешно расстегивать молнию на своих обтягивающих штанах, торопливо избавляться от мешающей обуви. Он быстро вспотел, жадно хватал воздух ртом, спиной прижавшись к холодному кафелю. Дин буквально запрыгнула на него, ноги уперлись в стенки кабинки. Руки его, сперва с легким стеснением, но все увереннее сжимали ее голый зад.

– М-м? – промурлыкала она. – Да?

– Да... – вырвался его вздох.

И в тот же миг мелькнуло лезвие, которым Дин полоснула парня по горлу. Она продолжила висеть на нем, пока он сдавленно хрипел, захлебывался кровью, – ловила брызги ртом, запрокинув голову, облизывала губы. Ее трясло от оргазма.

В припадке, с тихими стонами, скуля от накатившего удовольствия, нанесла еще удар и еще... Вогнав нож по самую рукоять в крепкое, молодое, горячее тело.

Постепенно тело ослабло, обмякло, опустилось на закрытую крышку унитаза. Дин пришлось слезть с него, поморщиться, когда ступни коснулись пола. Лужа крови скапливалась, растекалась, Дин поспешила отступить на шаг, поки-

нуть кабинку, убедившись, что вокруг нет свидетелей.

Она обтерла, спрятала клинки, натянула трусики, штаны, несколько секунд искала свой второй ботинок. Умылась, вытерлась бумажным полотенцем, поправила прическу, проверила перед зеркалом, что на ней не видно крови. Скосила взгляд на отражение трупа.

В остекленевших, мертвых глазах – удивление, шок. Слюна бежит изо рта, пузырится у края разомкнутых губ. Кровь течет из нанесенных лезвием ран, течет по голому, остывающему телу, течет по ногам, по унитазу, в лужу на полу.

– Ну а чего ты ожидал? – задала она риторический вопрос. – Что тебя убьет сердечный приступ? Не тот возраст, прости.

Дин посмотрела на себя, хищно улыбнулась. Им следует быть осторожнее, когда красотка предлагает провести последние минуты в ее жарких объятиях. Они не могут поверить в удачу и до конца гадают, в чем подвох. Впрочем, возразила Дин сама себе, формально она никого не обманывает, немного боли напоследок (или что они там испытывают) – справедливая цена. Как знать, может они сами на седьмом небе от счастья.

Робот-уборщик проехал мимо, с щетками и попискиванием, принялся замывать увеличивающуюся лужу. Повезло, что без «живого оператора». Дин совсем не хотелось потерять день, сочиняя отчеты и объяснительные.

Она взяла стандартный стикер-табличку «Не работает»

из набора за спиной у робота. Покинув туалет, прилепила табличку на закрытую дверь.

Рассчиталась с баром, предупредила о мертвом теле – бригада из морга о нем позаботится.

Ушла в прекрасном настроении.

Закон мироздания

«Мир так устроен. То, что миру не нужно, исчезает. Не существует...»

– Как так – «исчезает»?

«До тех пор, пока не познаешь...»

Чтобы освободить сознание от лишних мыслей, достаточно растянуть время и провести его в радости. Или заполнить это время событиями. Можно влюбиться. Или катастрофически не успевать за поступающими делами и возникающими проблемами.

Если сфокусировать мысли на одном объекте, все прочие объекты потеряются.

К примеру, действия, динамика приковывают внимание. Не обязательно зрительная динамика. Это может быть динамика звуков, запахов, чувств. Покоящийся объект при этом вполне можно не заметить. Даже кольцо не всегда помогает разглядеть детали, ведь, в конечном счете, все зависит от восприятия, от формируемых мыслей, от языка.

Если поставить Нэ между домами, во тьму, спрятать за башню, сам автор его не заметит.

Если Нэ не будет обладать элементами, наименования которых существуют в языке, то свидетели, носители этого языка, не смогут его описать.

Что, по сути, есть призрак? Природная, неразумная часть человека способна почувствовать «нечто». Но если на данном этапе развития в языке не окажется средств для именованья этого «нечто», «нечто» не станет распознаваться разумной частью. Лишь выходя на новые, более высокие уровни абстракции, сознание способно замечать новые объекты.

Спускаясь по ступенькам, Эн подумал, что отчасти разгадал секрет Нэ.

В языке северных народов существуют десятки наименований снега, а в ином языке только одно – «снег».

Нэ каким-то образом выпал за границы любого человеческого языка. Той системы, которой сознание руководствуется при познании и описании объектов, явлений, абстракций. Можно чувствовать присутствие Нэ, но «слово-имя» Нэ недоступно языковой системе. А потому, на данном этапе развития, невозможно выделить Нэ из окружающего мира как отдельное явление.

Таким образом, Нэ может вовсе не прятаться. Он может свободно позировать перед камерами и бегать мимо датчиков движения. Если его внешность и его перемещения требуют отдельных слов в языке, да таких слов, которые языковой системе пока недоступны и откроются нескоро, ни один разумный носитель языка не сумеет воспринять его за само-

стоятельный объект.

Эна посетил легкий вихрь восторга.

Но ведь при этом Нэ – объект весьма самостоятельный.

Разум задавал все новые и новые вопросы.

Воспринимают ли Нэ дети и умалишенные? Каким уровнем абстракции владеет сам Нэ? Был ли он таким всегда? Скорее всего, был. Иначе сохранились бы слова, отлично характеризующие прежнего Нэ. Доступен ли Нэ общечеловеческий язык? Скорее всего, да. Он же сам подсказал разгадку тайны.

Но вместе с тем, если Нэ доступна иная система восприятия и для результативного общения с людьми он вынужден каждый раз опускаться на уровень ниже, Нэ может сообщать массу информации, никак не воспринимаемой окружающими. Он может комментировать хоть каждую ситуацию, каждый момент, а обычный человек даже не воспримет высказывания за «звук» в привычном понимании.

«Ты нашел меня? Доволен?»

Эн проигнорировал комментарий тени.

Мир темных небес ожидал снаружи.

Город, эти искалеченные сигаретами легкие, дышал тяжело, с хрипом. Во тьме клубился дым. Огни выглядели как что-то неуместное, неестественное. Машины выплывали вместе с выдуманными демонами и растворялись вслед за мечтами. Сухие улицы питались пешеходами. Стены давились и трескались от жажды.

Суетились санитары из морга в поисках *готовых к смерти*.

Готовых к смерти искали убийцы и родственники, друзья, близкие, рекламные агенты.

События мелькали слишком быстро для черного цвета.

В тени Нож, поймав одного из пытавшихся убежать Детей, избивал его ногами. Проходя мимо Эн не мог не вмешаться.

– Излишнее применение силы, – предупредил он, подразумевая поставленную на лицо террориста ногу.

– Они не могут умереть, поэтому мы их допросим, – сказал Нож холодно, констатируя факт. – Ты отпустил их. Твои действия нерациональны. Они не обоснованы законом.

– Мои действия не противоречат закону, – ответил Эн. – Убери ногу, Нож. Однажды и ты умрешь. А все хотят покинуть этот мир целыми.

Нож сделал вид, что не услышал или не понял слова Эна, но ногу убрал. Парень на земле корчился и стонал.

– Ты действуешь грубо, – отметил Эн, созерцая мучения преступника. – Я сообщу Седому.

– Твое право, – согласился Нож.

Уходя, он «случайно» наступил на террориста еще раз. Эн смотрел на конвульсия избитого целую минуту, но так и не придумал, чем помочь несчастному. А по прошествии минуты парня подняли и увели солдаты из СООП.

Войска СООП заняли целый район, разогнали бомжей и перекрыли подступы к башне.

Пока Эн шел по зоне видимого порядка, он ощущал упадок.

Ощущение пропало, когда восприятие выловило выползающую из канализационного люка кошку. Со скрипом крышки она выбралась на улицу, держа в зубах остывающий объект, и быстро убежала в узкий проем между домами.

Эн вновь сверился с картой, вспоминая, в каком здании его квартира. Оборудованный техникой квартал, бодрствующие у компьютеров полуночники, неспящие охранники с электронными приборами спасали от бесконечности пространства, но Эну все же захотелось оказаться в замкнутом помещении. Он пересек десяток опустевших улиц. С каждым часом людей становилось меньше. Они расползались по домам, дырам и барам. Ночные заведения светились отдельными пятнами, гасли огни жилых домов, а машины покидали небо и землю, исчезая на стоянках.

Даже к центру подбиралась тишина.

Времени миновало немало, но Эн не успел отойти далеко от места предыдущих событий. С неба к нему опустилась машина Гуви.

– Сам Седой ждет, – предупредил водитель, открывая двери соответствующей кнопкой.

Эн забрался в кабину, развалился на задних сидениях.

– Вопросы к моему поведению? – предположил агент.

– Много вопросов, друг, – подтвердил Гуви, отрывая машину от земли. – Прошу прощения, друг, – тактично спро-

сил он в небесах.

– Да, Гуви, – Эн приготовился выслушать просьбу.

– У вас сегодня свидание в десять по системному времени, – начал водитель издалека.

– Я помню, спасибо.

– Мог бы я взять выходной на завтра? Не понадобится что-нибудь срочное?

Голос водителя не дрогнул и не изменился, но Эн почувствовал бесконечные волны грусти. Столько грусти, что ей было тесно в пространстве машины.

– Конечно, бери, – разрешил Эн. Через минуту он добавил, чувствуя потребность сказать что-нибудь: – Ты хороший водитель, Гуви.

– Спасибо, друг, – добродушно отозвался тот.

Поставьте здесь тихую техно-музыку.

– Ты там, что, совсем обалдел?! – прогремел Седой.

Эн ощущал атмосферу бури в каждом кубическом сантиметре кабинета начальника.

– Почти пять глав бесцельно шатаешься, тратя наше время! – громыхнул Седой особенно сильно и вдруг утих, словно в сердцах сболтнул лишнее. Голос его скатился до умеренных интонаций, а напряжение в воздухе пошло на спад.

– Прости, Эн, – неожиданно принес извинения начальник. – Я тобой сильно недоволен, но с террористами на баш-

не ты разобрался удивительно быстро, и этот подвиг уравнивает все твои траты.

Эн молчал, не зная, как реагировать на заблуждения Седого.

– Официально я спишу то время на подготовку к операции. Ведь ты, по крайней мере, думал о предстоящем освобождении башни, я прав? Планировал... Вроде медитации перед боем... – Седой нервно заходил из стороны в сторону параллельно окну. – Но лично для себя я хотел бы прояснить некоторые твои действия, – остановился.

Эн предположил, что начальник смотрит на него озадаченно.

– Что это еще за просьба о «пропаганде среди внесистемного населения»? – с искренним непониманием спросил Седой.

– Я подумал, объяснение роли Системы помогут многим скорее обрести свое место...

– Думаешь, им нужны объяснения или место? – Седой взмахнул руками от недовольства и возмущения. – Они уже на своем месте. Они никогда не пойдут в Систему по доброй воле.

– При всем уважении, – Эн старался подбирать слова осторожно, – люди думают иначе. Они считают, это Система отвергла их.

– И они скажут все что хочешь, – перебил Седой. – А сами палец о палец не ударят ради Порядка. Скорее примкнут

к Детям.

– Но Система не обеспечила их обещанным счастьем...

– Собрался объяснять роль Системы, мальчишка! – голос начальника снова подпрыгнул и сорвался. – Ты хоть понимаешь, в чем роль Системы? В чем ее смысл? – взяв себя в руки и успокоившись, он добавил: – Никогда и никому мы не обещали счастья, Эн. Мы его строим. Молча.

Эн разумно воздержался от дальнейших споров.

– Как сгорел склад? – сразу задал Седой следующий вопрос, вновь заходя от стены к стене.

– Что там делали Нож и Дин? – спросил в ответ Эн. Он говорил слишком смело.

– Ночнов требует отдать тебя ему, – продолжал начальник, проигнорировав реплику подчиненного. – Как, по-твоему, мне следует поступить?

– Как вы сочтете нужным, – предложил Эн. Предугадывая следующие вопросы, агент объяснил заранее: – Я не поджигал склад. А ЖЗР не достался Детям. ЖЗР забрал некий персонаж от третьей стороны. Более того, Дети пытались уничтожить груз.

– Избавлялись от улик? – предположил Седой.

– Или производили диверсию.

Седой ощущался задумчивым.

– А таинственный похититель груза... Ты запомнил что-нибудь особенное?

– Он... – Эн помедлил, понимая, что следующие слова

прозвучат как бред. – Седой, было похоже, что человек разбился на частицы и собрался обратно.

– Твои сенсоры могут ошибаться?

– Вряд ли. Но может я не знаю нужных слов.

Теперь Седой определялся сенсорами как шокированный.

– Что ты делал в «Паучьей лапе»? – вместо уточнений спросил вдруг он.

– Менял батарейки.

– Десять минут?

Эн молчал. У него не было ответа.

– Зачем тебе столько батареек?

– Я не сплю, – признался Эн.

– Отдери тебя дьявол, почему?

– Я работаю в Системе.

– Эн, Система выделяет тебе время для отдыха. Зачем, пропасть твоей душе, ты тратишь наши батарейки?

Эн почувствовал собственную озадаченность.

– Я... – Эн запнулся на полуслове. – ... Я рассчитал, что затраты окупаются моей деятельностью во время-вместо-сна.

– Дьявол! Эн, – выпалил Седой, погрозив кулаком. – ...

Эн, когда ты уже оживешь?

– Простите? – переспросил агент.

– Время уходит, Эн, нужно ожить. Система – не бездушный механизм, это организм всего человечества, он идет на компромиссы с природой. Поэтому прекращай свою неразумную деятельность и начинай уже соображать. Ты сюда пе-

реехал для этого.

– Благодарю. Обещаю исправиться.

– Сгинь с глаз моих.

Эн кивнул и развернулся, но голос Седого остановил его у самых дверей.

– Эн, ты понял хоть что-нибудь из моих слов?

Эн хорошо подумал.

– ... Кое-что.

Агент вышел в приемную, оставив Седого обдумывать полученную информацию.

– Жарко было? – услышал Эн взволнованный голос секретарши.

– Да нет, не очень, – тихо отозвался агент, прежде чем понял, что вопрос был задан не ему.

– Простите, я не вам, – громко объявила секретарша, тихонько хихикая.

«Он слепой», – послышался объясняющий шепот.

Эн почувствовал неловкость и поспешил выйти.

«Что я должен сделать?» – подумал он в коридоре.

«Десять. Мэй. Свидание.»

Эн спустился на этаж ниже, где располагались удобное кафе и комната отдыха.

Запах кофе и сладостей смешивался с теплом горячих кружек и шипением кофеварок.

– Привет, – прозвучал знакомый голос у правого уха. – Ой, прости, – раздался щелчок, и Эн осознал, что Мэй совсем

рядом.

– Я отлично определяю людей, но не всегда могу сосредоточиться, – признался Эн оправдания ради. – Третий столик слева подойдет? – блеснул зоркостью он.

– Хороший выбор, – оценила она.

На Мэй абсолютно точно были старые джинсы, в кармане которых находилось включенное ею ранее электронное устройство.

Минуту они молча сидели, слушая шипение кофеварок и стук кружек в посудомойке.

– Ты всегда такой сонный? – спросила Мэй. – Будешь есть что-нибудь?

– А ты? – спросил в ответ Эн.

– Я придерживаюсь законов жизни, – молвила Мэй. – Конечно, ты можешь есть здешнее мясо. Становиться сильным, но агрессивным и несдержанным. Или употреблять только траву. Быть слабым и вялым, жизни не радоваться, но и вреда не причинять. Я поступаю проще.

– Проще?

– Я не ем совсем.

– Совсем?

– Те несчастные напитки вряд ли можно назвать едой, ты согласен? А что? Я не могу умереть от голода до определенного момента.

– Удобно, – согласился Эн. – Но не вижу большой разницы между «ничем» и «травой».

– Чем питаешься ты?

– Батарейками.

– Серьезно? Ух ты. То есть я, конечно, слышала о подобном, но встречаю впервые. А можно... посмотреть?

– Нет.

– Почему? О, не говори. Это какое-то интимное место, – кокетливо предположила она.

– Нет. Я просто не хочу. Зачем тебе знать, куда вставляются батарейки?

Мэй смеялась секунд пятнадцать.

– Скажу по секрету, – прошептала она. – У столика застыл официант.

Эн нашел восприятием застывшего официанта.

– О. Да, – разволновался Эн. – Два кофе, – он проследил удаление официанта и сказал: – Я сосредоточился на диалоге.

– Интересно, – кивнула Мэй. – Мне интересно твое восприятие мира.

– Оно весьма избирательно, – шутя отметил Эн.

Потом он признался:

– Отчего-то я представлял тебя в легком весеннем платье.

– Правда? – обрадовалась она. – Спасибо. Во время нашей первой встречи я была именно в нем.

– Красивое платье, – оценил Эн.

Официант принес две чашки кофе.

Аромат крепкого кофе разбудил дремлющее сознание

Эна. Эн с удивлением обнаружил, что такого удобного сигнала в памяти нет. Он отметил запах кофе на будущее.

– Расскажи, каково это? Воспринимать так, как ты... – попросила Мэй.

– Я не знаю, – ответил Эн. – Я не воспринимаю по-другому. Как я могу объяснить разницу?

Мэй чувствовала себя чуть разочарованной.

– Ладно, – попытался исправить положение Эн. – Чем дольше я общаюсь с определенными людьми, тем лучше я их чувствую. Быстрее учусь узнавать. Начинаю определять на гораздо большем расстоянии и по менее явным признакам.

Мэй моментально оживилась.

– Это действительно интересно. Ты уникален. Знал об этом?

– Я знал, – подтвердил Эн. И тут же спохватился: – Но в то же время нет, избирательное восприятие – самое что ни на есть человеческое качество. Люди прислушиваются, чтобы разобрать отдельный звук в общем шуме. Присматриваются, чтобы выделить одну деталь в пестрой картине. Они вынуждены сосредоточить внимание на чем-то одном, когда не хотят потерять это из виду, нередко упуская все остальное. Я склонен верить, что сталкиваюсь с теми же проблемами.

Мэй отпила кофе.

В пространстве комнаты отдыха преобладал цвет красно-

го дерева.

Эн решил задать вопрос:

– Ты переехала сюда, верно?

– Верно, – подтвердила Мэй. – Для работы в одном из архивов. Там много древностей, книг, рукописей, «мертвых языков».

– Так ты отчасти знакома с системой человеческого языка? – уточнил Эн.

– Отчасти, – она, вероятно, улыбнулась, отхлебнула кофе, устраиваясь на стуле удобнее.

– Меня интересуют явления теоретически не попадающие в систему.

– Что ты имеешь в виду?

Эн мысленно перебрал все возможные формулировки, но так и не нашел подходящей.

– Чего нет в системе, того нет и в реальности, – сказала Мэй. – Сознание не воспринимает такое явление за «отдельное». Тебя интересует именно языковая система?

Эн оторвался от мыслей и стал весь внимание.

– Потому что, пожалуй, в любой науке существуют явления, которые никак не определяются на современном уровне развития разума. Их если и можно определить, то только по результату взаимодействия с другими объектами.

– Неопределяемые явления оставляют следы на объектах определяемых, – перефразировал Эн.

– Конечно, оставляют. Иначе они бы не существовали.

А ведь мы говорим о существующих явлениях мира, – Мэй допила кофе и вздохнула. – Но твой вопрос был задан с целью. Тебя что-то беспокоит? Трудности в общении?

– Нет. Мой вопрос связан не с общением, – покачал головой Эн. – Хотя... У меня есть трудности. Общаясь с людьми, я нередко чувствую стену. Это нелегко объяснить, но лучшего определения не придумать.

Мэй закивала с пониманием.

– Ты читал Эжена Юнеско?

– Кого? – переспросил Эн.

– Ой. Прости, – смутилась она. – «Читал», наверное, не совсем уместно по отношению к тебе.

– Я считываю информацию с электронных устройств, – возразил Эн.

– Ага, – с интонацией «так о чем я» Мэй попыталась вернуться к мысли. – Эжен и его театр парадокса. В наши дни пьесы уже не ставят, потому что последний театр уж десять лет как закрыли, но когда-то они были очень популярным видом искусства. Извини заранее за неточное цитирование, но, по-моему, Эжен сказал: «Мир, жизнь до крайности несообразны, противоречивы, необъяснимы тем же здравым смыслом или рационалистическими выкладками. И человеку... приходится год от года все труднее, все непосильнее, и человек чаще всего не понимает и не способен объяснить сознанием всей громады обстоятельств действительности, внутри которой он живет, а стало быть, он не понимает собственной

сути, самого себя». Театр, оперирующий к правдоподобию, по его словам, не нужен. Нужен театр, который балансирует на границе двух миров: призрачно-фантастического и реального, но обязательно с привкусом ирреального. У Эжена также была статья «Трагедия языка». Там он обстоятельно демонстрирует, как разваливается язык, если его начинать использовать абсурдно. У языка есть конкретная функция – объединять людей. Но именно она теряется, так как человек сделал все, чтобы уничтожить язык. Человек использует язык не для передачи информации, а чтобы занять время.

– Занимательно, – молвил Эн. – Он разбирался в секретах человеческого языка?

Мэй пожала плечами.

– Он писал комедии. Не жизнерадостные, но смешные. И верил, что когда-нибудь у человека обнаружатся проблески разума, человек научится пользоваться языком, и все вернется на землю.

Шипение кофеварок стихло, а вместо него заиграли звуки музыки.

– Это пианист, – прокомментировала Мэй. – Он, между прочим, слепой.

– И без имплантов, – добавил Эн.

– Зачем импланты пианисту? – рассмеялась Мэй.

Пианист – бородатый черноволосый дядька в смокинге и в темных очках – поправил шелковую бабочку на шее, а затем заиграл веселый мотив.

*Есть в сердце центнеры крови.
Лица в весенних деревьях.
В кронах – поднятые брови.
В листьях танцуют забвенья.*

*Лес неумытым, небритым
Лицом глядит однобоко,
Утренним взором багровым
Пялится прямо на бога.*

*Где же ты, хмурая туча?
Где лучи вечного боя?
Есть в небе ветки и сучья.
Есть в нем и гроздья покоя.*

В коридорах понизили уровень освещения. Несколько минут Эн и Мэй гуляли по закрытому переходу из одного здания в другое. Через прозрачную стену перехода Мэй любовалась панорамой ночного города. Захватывающие виды и отсутствие излишнего шума поддерживали романтическую атмосферу.

Большинство работников разошлись, используя время для отдыха. Ночная смена дежурила на других этажах. Тишина, казалось, должна была вот-вот выйти навстречу.

Но впереди приподнялась и сдвинулась в сторону крышка люка. Из секретного технического кармана, расположенного под переходом, вышло паукообразное существо. Эн

ожидал увидеть даже кошку, но появившийся в коридоре человек напоминал скорее насекомое, чем млекопитающее. Эн отметил, что и тепла от незнакомца исходит немного, а температура его тела приближается к температуре окружающей среды.

– Освещенные овощи, – выругался шпион, заметив свидетелей. – Влюбленные голубки, шу-шу!

Эн загородил собой Мэй.

– Извести охрану, – попросил он девушку.

Мэй, не споря, вернулась в начало перехода, а Эн остался один на один с существом.

Существо изогнулось в неоднозначной, с точки зрения приличий, позе.

– Я люблю и уважаю игры. Ты уважаешь игры, терминатор? – прошептал человек-насекомое.

Эн пытался определить черты противника, развернув кольцо, но лицо *Игрока* оказалось надежно спрятанным за непроницаемой для сенсоров *маской*.

– А, *любитель электронных устройств*, – непостижимым образом определил Игрок. – *Ищешь информацию обо мне, верно? А я вот где!* – существо переместилось на стекло стены перехода столь резко, что очки Эна отказались воспринимать такое за движение.

– *Сыграем в «Резкий ветер»*, – заявил Игрок, после чего вся прозрачная стена коридора взорвалась *сотнями осколков*.

Эн упал на пол, закрыл голову. Восприятие растерялось из-за количества одновременно движущихся объектов, а когда Эн настроился на игнорирование стекла, найти Игрока ему не удалось.

«Не к добру», – подумал агент, выключая кольцо и поднимаясь. Осколки стекла высыпались из рукавов и захрустели под сапогами, когда Эн приблизился к разбитой стене. Ветер заметался по переходу, сметая стекло на город.

– Испортил мне свидание, трюкач, – молвил Эн в темноту с досады.

«Как ты знаешь, многие отказываются от еды. Момент спорный. С одной стороны, фермерство в упадке. На то хватает причин. Робототехника отчасти спасает производство, но нынешняя Система физически неспособна прокормить всех. Не говоря уже о том, что большие половины припасов достается элите... В этом свете отказ выглядит разумным. С другой – человеческому телу нужно топливо. Не все работают на батарейках, знаешь ли. Эффективность падает, а потому Система отчаянно борется за провизию. Ей не нужны граждане-овощи, безвольно ждущие свой срок. Так что если кто-то начинает придерживаться убеждений слишком строго, завтра его могут признать „слабым звеном“ и вынести наружу, благо поднять

и отнести будет нетрудно...»

Восстание личности

Взрыв перехода оказался лишь началом. По комплексу прокатился волной сигнал тревоги. Эн подумал, это Мэй успела добраться до службы охраны или тревожной кнопки, но после определил, что основная суета происходит на этажах выше. Бойцы СООП прочесывали оба здания в поисках нарушителя. Кого-то помимо Игрока.

Физически Эн по-прежнему стоял у разбитой стены. Ветер влетал через пролом, свободно гулял по переходу, развеивал полы плаща и словно огромной невидимой метлой сметал оставшиеся осколки. Одновременно Эн нырнул во внутреннюю электронную сеть здания, добравшись до сигналов с камер видеонаблюдения, замков, переговорных устройств и прочих охранных систем.

«Отряд "Альфа". На позиции!»

«Отряд "Бета". На позиции!»

«Заходим... Чисто!»

«Северное крыло... Чисто!»

«Офисы... Чисто!»

«Обнаружен персонал...»

Раздался сдавленный короткий женский визг. Боец СООП жестом успокоил работницу Системы, показал на дверь прямо за собой, женщина поспешила покинуть помещение. Эн переместился к другой камере, обратив внимание на плохо

закрепленную вентиляционную решетку:

«Это агент Системы Анатос, номер "три-три-шесть, три-шесть-пять, восемь-девять-восемь". Альфа, проверьте шахту вентиляции!»

«Что вы делаете на этой частоте, агент?»

«Отставить, Альфа. Код подтверждаю. Выполняйте!»

«Вас понял. Альфа – выдвигаемся к цели!»

«Западный отсек. Чисто!»

«Сортир. Чисто!»

«Не так уж чисто, как могло быть!»

«Отставить, Бета!»

«...Альфа на позиции. Произвожу осмотр... Решетка шахты не закреплена. Повторяю: решетка не закреплена!»

«Отряд "Бета", беглец мог укрыться в вентиляционной шахте. Проверьте со своей стороны!»

«Вас понял. Начинаем проверку шахты!»

«...»

«Это Альфа. Решетку сняли. Производим осмотр!»

«...»

«Огонь! Огонь!»

«...Альфа! Прием! Вас не видно! Говорите!»

«Черт! Черт!»

«...Альфа! Что происходит?!»

«...»

«Это Альфа! Объект обнаружен! Цель в шахте вентиляции! Противник вооружен! Мы под обстрелом!»

«Кидаю „хлопушку“... Граната!»

«...»

«...Бета, докладывайте!»

«Противник прекратил стрельбу. „Хлопушка“ могла его вырубить...»

«Проверить шахту. Найти и задержать нарушителя!»

«Есть!»

«Альфа, что у вас?»

«Заходим со своей стороны. Зажмем его в тиски!»

«Бета?»

«Видим Альфу. Объект ушел по вертикальной шахте на уровень выше...»

«Бета – следуйте за объектом. Альфа – отрезьте его от выходов!»

«Альфа – покидаем шахту. Движемся на следующий этаж. Идем на перехват...»

«Подъем по шахте завершен. Никаких следов нарушителя. Да тут чертов лабиринт!»

«Производим проверку выходов на уровне... Обнаружена незакрепленная решетка. Объект покинул шахту вентиляции...»

«Шустрый чертяга!»

«Альфа! Начальник отдела безопасности на связи. Объект предположительно движется в сторону серверной. Остановить любой ценой!»

«Выполняю!»

«Бета! Живо вон из шахты, обеспечьте прикрытие!»

«Есть!»

«Объект обнаружен! Корпус девять, южный коридор!»

«Огонь! Огонь!»

«Пытаюсь догнать!»

«Стой!»

«Альфа! Прием!»

«О, черт! Несем потери! Повторяю: несем потери! Взрыв зацепил троих, не можем продолжить преследование!»

«Это Бета. Коридор заминирован! Противник заминировал коридор!»

«Он взломал двери и держит проход открытым!»

«Двигается в сторону серверной!»

«Срочно остановите его!»

«Тут повсюду мины!»

«Бета! Сейчас же! Это приказ!»

«Пули его не берут!»

«Вперед, Бета, забудьте про мины! Объект не должен достичь серверной!»

«А-а-а! Мы теряем людей!»

«Блокируйте проход! Срочно верните управление дверьми! Ответьте, прием!»

«Не успеваем, начальник... Противник в десяти шагах от цели!»

Отряды СООП больше не могли вести преследование. Контуженные, кто без руки, кто без ноги, истерзанные, на почерневшем от копоти полу, среди полыхающих обломков, пепла, перемазанные сажей, искалеченные, но живые, они корчились от боли. Те, кто пострадал меньше, пытались оправиться от шока, подняться. Они ползли, чтобы выполнить миссию, размазывая общую лужу крови, орали, когда горела плоть и трескались кости. Автоматическая система пожаротушения поливала дождем.

Мужчина в конце коридора замер, выронил пулемет, словно осознав, что картина перед ним – дело его рук. Дышал он тяжело, прерывисто, до конца не веря, что достиг этой точки, как марафонец после тяжелого забега. Затем собрался, резко сфокусировавшись, развернулся и продолжил движение к цели. Всего несколько шагов до заветной серверной.

Эн закрыл двери и вернул управление этажом службе безопасности. Створки захлопнулись прямо перед носом нарушителя. Тот ударился о блок, затем ударил перекрытие в ответ от отчаянья, упал на колени, взвыл.

Относительно целые бойцы, увидев, что противник так и не достиг серверной, заметно воодушевились. Хромая, перекатываясь, в рваной, обгоревшей униформе, они двига-

лись неумолимо, как отряд живых мертвецов. Многие начинали понимать, что будут списаны в запас, отстранены от службы, останутся калеками до конца своих дней. Добравшись до вконец приунывшего врага, стоящего на коленях, опустившего руки и голову, они навалились дружно, сцепившись в одну бесформенную массу из конечностей и тел, нанося сперва вялые, но все более уверенные, питаемые ненавистью и горечью удары. Они рвали его одежду и плоть, пинали, избивали прикладами, пытались расцарапать лицо.

«Не думаешь, что пора вмешаться?»

Эн медлил несколько мгновений, раздумывая, как лучше остановить бойцов, очевидно превысивших допустимый уровень насилия при задержании преступника... Преступника, который давно не оказывал сопротивления. Агент продолжал следить за ситуацией с камер видеонаблюдения. Душ системы пожаротушения не помогал, а ближайшие роботы-уборщики находились двумя этажами ниже.

«Бойцы СООП! Отставить! Прекратить этот фарс!» – голос по радио принадлежал местному начальнику службы безопасности.

«О-о, кого-то ждет выговор сегодня...»

Эн покинул электронную сеть, впервые после начала атаки сдвинулся с места. Осколки стекла разбитого перехода захрустели под сапогом.

Нож

Он был уверен, что услышит ее дыхание, если прислушаться: кардиомонитор уверял, что фиксирует признаки жизни. Кривые на экране регулярно подпрыгивали с характерным писком. О теле заботились – поддерживали чистоту, стимулировали электромассажем, предотвращали образование пролежней и атрофирование мышц. Деньги не имели значения – служба в Системе хорошо оплачивалась. Поэтому Нож нашел лучшую палату для сестры. Залитую ярким искусственным светом, с растениями по углам, с круглосуточным наблюдением, уходом, как со стороны прогрессивной робототехники, так и силами «профессионального живого персонала».

Хорошая палата, спокойная, ухоженная. Сильный контраст с тем, что творилось на заваленных мусором улицах.

Прыжок кривых показателей... Писк... Доказательство жизни.

Сидеть так было невыносимо, однако Нож ничем не выдал внутренние переживания и остался на месте. Безмолвный страж, лик смерти, у края кровати...

Ее неподвижная белая... белее простыни рука... Он думал сжать эту кисть в широкой грубой ладони, но, потянувшись, замер на полпути, едва коснувшись кончиками пальцев.

А ведь он должен уйти раньше нее...

Что не так с этим миром?

В какой-то миг Нож пришел в движение. Поднялся. Взял свободную подушку из шкафа. Постоял так, с подушкой в руках. Медленно, осторожно приложил ее к голове сестры. Закрыв спящее... безжизненное лицо.

Всего одно движение... Одно... Всего лишь надавить по-сильнее... Отбросить мысли, забыть, потерять счет времени... Это недолго... Это так просто... Что может быть проще...? Но...

Не ее время...

Но...

Не ее время... Не сможешь... Что бы ты ни сделал, она останется жить...

Если это можно назвать «жизнью». Больше похоже на обман. Трюк. Дурную шутку.

Что ты делаешь? Нельзя! Это против правил... Против законов природы...

Лишь надавить... Она сейчас хрупка... Хрупка и уязвима как никогда...

Руки его опустились сами собой.

Прости...

Подушка упала, глухо стукнулась о пол, выскользнув из разжатых пальцев – ладони оказались неожиданно влажными. Нож смотрел на свои руки почти с удивлением. Снова поднял взгляд на неподвижное тело. Прошло тридцать шесть

секунд.

Прости...

«Пока есть время, есть надежда,» – вспомнил он.

Но ведь тебя больше нет... Ты ушла... Ушла, вопреки природе, покинула мир раньше меня. Обманула смерть... Оставила позади пустую оболочку... Сломанную скорлупу без души...

Прыжок кривых... Писк... И так, кажется, уже целую вечность...

Тебя больше нет... Это мне пора проснуться...

Постучали – дверь приоткрылась, в палату заглянул медбрат. Нерешительно просунулся через проем, бросив мимолетный взгляд на подушку на полу, уставившись на обернувшегося Ножа.

– Прошу извинить, если побеспокоил, но с вами пытаются связаться... – решив, что сообщение передано, работник больницы попятился, аккуратно прикрыв дверь.

Нож активировал связь, которую всегда отключал во время визитов к сестре... Впереди долгая ночь, допросы Детей. Пора обратно, за работу.

Он покинул палату, просматривая входящие звонки параллельно. Дин пыталась дозвониться три раза. Нож открыл канал, спускаясь по ступенькам в приемную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.